

МАРИЯ

Абдулова

"...ТЕПЕРЬ БУДЕМ
ИГРАТЬ ПО-ВЗРОСЛОМУ,
СЛАДКАЯ. НА МОИХ
УСЛОВИЯХ. ЕСЛИ ЧТО Я
ПРЕДУПРЕЖДАЛ"

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Безответные
ЧУВСТВА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мария Абдулова
(Без)ответные чувства

«Автор»

2023

Абдулова М.

(Без)ответные чувства / М. Абдулова — «Автор», 2023

Быть девственницей не приговор. Приговор - безответно любить Богдана Зорина, являющегося другом её семьи и постоянным поставщиком душевных страданий. Первая попытка попроситься с невинностью с его помощью не увенчалась успехом, но у Маши неожиданно появился ещё один шанс, который она не намерена упускать. Ну и что, что он принял её за другую девушку? Ну и что, что в его присутствии у неё пропадает дар речь? Главное желание! А его у Баженовой хоть отбавляй, впрочем, как и у него тоже. Интересно, кстати, почему?

© Абдулова М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава первая. Маша.	5
Глава вторая. Богдан.	25
Глава третья. Маша.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Абдулова

(Без)ответные чувства

Глава первая. Маша.

Маша за свои двадцать три года успела уже не раз испытать на себе превратности судьбы, которая в целом к ней относилась весьма благосклонно – у неё были чудесные родители, замечательные старшие братья, прекрасная подруга и весьма неплохие внешние данные вкупе с достаточно недурными умственными способностями, подводящие её лишь в одном единственном случае – Богдан Зорин. Близкий друг семьи, братьев, сотрудник СОБР и её первая и (она уже смирилась с этим фактом) последняя любовь. И эти самые превратности судьбы обычно происходили именно тогда, когда он появлялся на её пути. В детстве это были неловкие ситуации в виде неловких падений на его глазах, испачканного платья или извержения газировки через нос. В подростковом возрасте снова испачканная одежда, перманентно алые от смущения щёки и слишком говорящие влюблённые взгляды. В молодости, то есть сейчас, ставки заметно повысились – то она сама же на пьяную голову соблазнит его, согласится на продолжение банкета, почти решится лишиться с ним девственности и сбежит в самый ответственный момент, то Зорин пригласит её на свидание, потом на него, не предупредив, по какой-то причине не придёт, а Баженова будет около полутора часов наворачивать круги вокруг кафе при полном параде в конце октября под холодным осенним ветром, то они столкнутся нос к носу в баре, когда она всего лишь...

– Привет, красотка, – растянул губы в ослепительной улыбке он, шаря глазами по её лицу, одежде и телу. – Вот это встреча!

Когда она всего лишь в кои-то веки решила оттянуться со своей лучшей подругой – Катенькой Трофимовой, пятничным вечером, чтобы хотя бы на время забыться, выкинуть его из головы и помочь в этом же нелёгком деле подруге, у которой развернулись нешуточные бои на личном фронте с уже её суженым.

При том, что, как это обычно бывает, ничего не предвещало беды и у них был потрясающий план как провести этот вечер максимально комфортно, продуктивно и весело без вмешательства в их отрыв Владлена – её старшего брата, являющимся по совместительству и хозяином заведения, в котором они сейчас находились. Он, несмотря на то, что Маша уже давно была взрослой девочкой, не нуждающейся в его опеке, и на высокий уровень безопасности в его баре, относился к такому времяпрепровождению крайне негативно, видел в ней незащитного ребёнка и, попадись они либо ему, либо его персоналу на глаза, то, наверняка, нарвались бы на строгий выговор в стиле: "Какое веселье? Какие бары? А ну марш домой!" и в лучшем случае отправились восвояси одни, а в худшем под конвоем самого Влада или его людей, чтобы в их буйные головы не пришла мысль вместо дома поехать в другое увеселительное заведение. Этот план включал в себя настоящий маскарад, благодаря которому Маша теперь была одновременно и похожа на себя, и совсем не похожа. Её длинные густые выющиеся каштановые волосы скрывал платиновый парик под каре, умелый макияж изменил форму чайных глаз, сделав их похожими на кошачьи, подчеркнул ровный носик, в меру пухлые губы и красивую линию скул. Кружевное, корсетное платье без бретелей длиной до середины бедра красивого тёмно-синего цвета в бельевом стиле плотно облегло фигуру, акцентируя внимание на высокой полной груди, соблазнительных линий талии и бёдер. Сверху, чтобы прикрыть голые плечи, открытое декольте и попу, серый пиджак, очень похожий на мужской. На ногах шикарные закрытые туфли в тон платью на высоком каблуке, прилично увеличивающие её средний рост и меняющие походку. Такой образ роковой, раскрепощённой и уверенной в себе красотки для

девушки был, мягко говоря, непривычен, но, на удивление, очень ей шёл. Следующим пунктом их грандиозного плана было полное погружение в этот самый образ, диктующий определённую манеру речи, поведения и самоощущения, а последним – смена имени на вечер, чтобы Марию и Катю, наверняка, не вычислили. Подруга назвалась Кэт, а Баженова, недолго думая, Мусей, чем здорово ту насмешила. И они замечательно проводили время в своих новых ролях в компании друг друга, коктейлей, весёлой музыки, танцев и, естественно, не очень им нужного в данный момент мужского внимания, пока телефон не ожил звонком от Тони – женой второго Машиного старшего брата. Извинившись перед подругой, девушка направилась из основного зала в коридор, где было относительно тихо, и не дошла до него буквально пару метров, как звонок сбросился, а следом пришло смс-сообщение: "Прости, милая, случайно тебя набрала. Целую". И она уже хотела было вернуться обратно к своему столику, как стремительно развернувшись, столкнулась не с кем-то там, а именно Богданом! Богданом, чтоб его, Зориним!

В первое мгновение она было подумала, что окончательно на нём свихнулась, раз начала видеть его в других мужчинах. Во второе решила, что перебрала с коктейлями, так как он продолжал стоять напротив, нависая с высоты своего роста и поддерживая её за талию, и смотрел на неё так, будто ещё чуть-чуть и зацелует до потери пульса прямо на этом самом месте. В третье же в немного затуманенный алкоголем и его близостью мозг пробралась отрезвляющая мысль о том, что перед ней стоит не её пьяная фантазия, вызванная неразделёнными чувствами, а настоящий Богдан собственной обаятельной персоной. Высокий, большой, широкоплечий, сильный. В обычной чёрной футболке, такого же цвета джинсах, подчёркивающих его выдающиеся физические данные, и кроссовках известного спортивного бренда. С бритой почти под ноль головой, широким лбом, тёплыми светло-кариими глазами, от взгляда которых у неё мгновенно подкашивались ноги, с горбинкой на носу, твёрдыми губами, вкус которых она однажды узнала и теперь не могла забыть, и квадратной челюстью, покрытой тёмной щетиной. Вырос перед ней как непреодолимая гора, закрывающая от всех и вся, и... И Баженова снова... Чёрт возьми, снова потеряла дар речи! Другого бы в таком виде на порог бара даже не пустили, но персонал знал, кем он приходится их работодателю и семье Баженовых в целом, поэтому, наверное, запустили бы его, приди он хоть в ростовой кукле Микки Мауса, хоть завернутым в простыню, хоть голым. Услужливая фантазия мгновенно подкинула соответствующие картинки Зорина во всей его обнажённой красе и Машины щёки вспыхнули смущением, а во рту пересохло. Благо в баре было тусклое освещение, скрывающее её румянец, неровное дыхание и растерянность. Смочив языком губы, девушка попыталась выгнать из головы столь откровенный и путающий и так нетрезвое сознание образ мужчины, которого она любила столько, сколько себя помнила, но вместо него пришло пугающее понимание того, что её инкогнито Роковой Муси раскрыто, а следовательно и Катиню тоже. И Богдан наверняка сдаст их Владу, а брат устроит головомойку о том, что негоже молодым девчонкам, как они, шляться по барам одним да ещё и в таком откровенном виде. И ещё и неловкости между ними не получится избежать, ведь он несколько месяцев назад ей такие слова говорил перед тем как позвать на свидание, давая понять, что на самом деле её чувства очень даже взаимны. Так смотрел, так обнимал, так трогал, что... Что Маша едва не забыла зачем, вообще, тогда к нему приходила, а именно узнать о местонахождении подруги, поддалась его магнетизму, переступила через свою робость и поверила, как последняя дуручка. Поверила в то, что она ему, действительно, небезразлична, чтобы на следующий день рухнуть с небес на землю, когда он не пришёл на то грёбаное, так и не случившееся свидание, а потом и вовсе исчез со всех радаров. Не ответил ни на один её звонок и сообщение. Пропал. Испарился на почти полгода, чтобы сейчас возникнуть из ниоткуда. Чтобы вновь её взбаламутить, взволновать и потревожить всё ещё тоскующее по нему ранимое девичье сердечко.

"Отставить тоску!" – скомандовала уязвленная гордость звонким и уверенным голосом лучшей подруги. – "Не смей перед ним таять! Подбородок вверх, грудь вперёд, попу назад,

средний палец и парочка хлётких фраз ему в лицо, чтобы знал, шкаф двухметровый, кого в прошлом октябре продинамил!".

Спящая до этого момента обида расцвела в груди буйным цветом следом за смущением. Самолюбие зарычало, требуя отмщения, а любовь и наивная надежда на то, что они когда-нибудь всё-таки будут вместе, робко выразили желание услышать причины его пропажи от него самого, устав от неизвестности.

– Ха-а-ай, сладкий, – хриплым после пения песен голосом протянула она, решив играть роль Роковой Муси до последнего.

Ну и что, что он уже, наверняка, понял, кто именно скрывается под париком и откровенным нарядом? Если творить чепуху, то вытворять до последнего и как полагается – с музыкой, по заветам Катюши, отличающейся пылким темпераментом, вольным характером, и взглядами на жизнь в стиле шальной императрицы, и видом, будто так и было задумано. Благо алкоголь в крови прибавлял смелости с уверенностью, сводил на нет её застенчивость, проявляющуюся лишь в его присутствии, и развязывал язык. Встретятся они таким же образом, например, на улице при свете дня или в доме у родителей, в котором Зорин с детства был желанным гостем, то Маша со стопроцентной вероятностью сначала бы сторела от смущения, забыла своё собственное имя, а потом кинулась прочь куда глаза глядят в полуобморочном состоянии.

– Сладкий? – усмехнулся мужчина, вздёрнув брови и продолжая удерживать её рядом с собой. – Я, в принципе, не имею ничего против, но ты можешь называть меня просто Богданом, а лучше всего Богдашей.

Баженова недоумённо нахмурилась. В смысле "называть просто Богданом, а лучше всего Богдашей"? Как это понимать? Она же итак в курсе его имени и вслух именно так к нему всегда и обращалась. Он издевается над ней что ли или...

– А как мне называть тебя, самая красивая девушка не только в этом баре, но и городе? – продолжил как ни в чём не бывало Зорин, смотря исключительно на неё.

...или он её не узнал? Да не может этого быть! Парик, макияж и одежда, конечно, прятала и изменяли кое-какие её черты, но не настолько же сильно, чтобы Машу не узнал человек, во-первых, знающий её с детства, во-вторых, стоящий так близко, а, в-третьих, утверждающий о своих чувствах к ней. По-крайней мере раньше утверждавший. Поэтому сейчас мужчина либо, действительно, решил над ней посмеяться, либо никаких чувств и близости между ними никогда и в помине не было и ему на неё просто напросто было плевать раньше, плевать сейчас и будет плевать в будущем. И она не знала, что из этого хуже. Когда любимый человек издевается или когда ему настолько всё равно, что он даже черты лица не запоминает. В любом случае больно, обидно и горько.

"Может он, как и ты, выпил?" – не унималась надежда внутри. – "Может, поэтому он тебя не узнал?"

Может и так, если бы не одно "но" – Богдана невозможно напоить до беспамятства. Братья пытались это сделать на её глазах на совместных праздниках несколько раз и он, даже много выпив, всегда умудрялся отдавать отчёт своим действиями и крепко стоял на своих двоих. В данный момент алкогольным опьянением от него и не пахло, причём в прямом и переносном смысле этого слова, так что доводы надежды были очень и очень слабенькими, а вот утверждения разума наоборот всё сильнее и сильнее казались верными. Для Зорина, по всей видимости, она никогда не имела особого значения.

– Меня зовут Муся, – ответила Маша, стараясь не замечать то, как болезненно колет от неприятных мыслей сердце.

– Интересная ты, Муся, – его волнующие глаза снова прошлись по ней сканером, осяпав похоже каждый сантиметр тела. – И красивая.

– Ты это уже говорил.

– Память под старость лет подводит, хотя говорить красивой девушке о том, что она красива, можно бесконечно.

Старость? Тридцать три года – это уже старость? Ну, каков хитрец, только посмотрите на него! Стоит тут красивый, как древнегреческий бог, и, мало того, что флиртует, так ещё и про свою несуществующую старость что-то ей говорит! В какие игры он хочет её втянуть? А то, что Зорин что-то от неё "хочет" было видно невооружённым глазом и вызывало много сомнений. Если бы он её узнал, то скорее всего захотел бы подобно Владлену промыть мозги, а потом настучать ему о их встрече. Но если мужчина её всё-таки не узнал, то получается, что он просто хотел... Её сама? Маше не показалось?

– А с тобой не только говорить, но и... – Богдан вдруг приблизился вплотную, буквально вжимая девушку в себя. – Но и всё остальное.

Ой, мамочки, что же это такое делается!

Баженова распахнула от неожиданности глаза, невольно затаила дыхание и замерла, чувствуя своим телом его, казалось, вылепленное из камня. Влечение хорошо знакомыми искорками тока пробралось везде, отзываясь даже на кончиках пальцах. Воздух между ними загустел. Звуки затихли, несмотря на огромное количество людей вокруг, шум и громкую танцевальную музыку. Не держи он её, то она вряд ли устояла бы на ногах, потому что колени ослабли мгновенно. Действие коктейлей заметно усилилось, стоило уловить аромат его парфюма, смешанный с его личным, неповторимым запахом, который девушка помнила чуть ли не наизусть. Помнила и абсолютно не могла ему противостоять, загипнотизированная глазами Богдана, его касаниями и такой смелой близостью.

– Увидел тебя и в одну секунду понял, что не смогу отпустить, – низким голосом произнёс он, наклонившись и почти касаясь губами её щеки. – Поэтому говорю прямо, Муся. Мне плевать одна ты здесь или с кем-то, есть у тебя кто-то или нет, планировала ли ты сегодня засыпать в своей постели или...

– Не планировала, – выдохнула на автомате, облизнув вновь ставшими сухими губы.

Опасно сощурившись, мужчина проследил за её языком и тяжело сглотнул. В атмосфере между ними появилось что-то новое, неуловимое, острое. То, чему Маша не могла вот так сходу дать название. Он будто разозлился или напрягся непонятно из-за чего, но её слова ему явно не понравились. Или это уже у неё в голове окончательно помутнело и ему всё понравилось, или... Боже, Маша совсем запуталась! Ещё и его горячие руки ничуть не упростили ситуацию! Такое ощущение, что намертво к её талии прикипели и теперь прожигали насквозь, до самых костей, оставляя отметины на всю оставшуюся жизнь.

– Не планировала, значит? – поинтересовался вкрадчиво, пробираясь взглядом в самое сердце.

После бара Маша намеревалась остаться у Кати и уже успела предупредить об этом маму. Поэтому чисто формально она сегодня, действительно, планировала засыпать не в своей постели.

– Да.

Богдан наклонился ещё ниже и всё-таки прижался губами девичьей щеки, заставляя её неосознанно прикрыть глаза. Поверни она голову немного левее и тогда их губы встретятся. Измени он позу, сместившись чуть вправо, и пиши пропало. Девушка уже чувствовала его жаркое дыхание на щеке, отправляющее мурашки галопом по шее и ниже и сосредотачиваясь сладким трепетом внизу живота.

– Этим планам не суждено сбыться, кошечка моя, – с пугающей уверенностью и настойчивостью заявил мужчина. – Повторюсь мне плевать на все "но". Хочу, чтобы сегодня ты ушла со мной ко мне домой. Не переживу, если откажешь.

Нужно было сразу ответить твёрдое: "Нет!". Маша же не железная, в конце концов! Сколько можно, то давать ей надежду, то исчезать? Сперва, когда Зорин так и не явился на

то осеннее недосвидание, она было подумала, что с ним случилось что-то плохое. Всё-таки работа в специальном отряде быстрого реагирования – не шутки. Её папа сам был бывшим сотрудником органов. Владлен хотел идти по его стопам, но в итоге стал успешным бизнесменом. Лёшка, также пошёл по стопам отца, и в отличие старшего брата построил карьеру по профессии. Она сама училась на юрфаке на уголовно-правовом направлении и имела хорошее представление о нюансах работы в данной отрасли. Но сейчас Богдан, подтверждая слова родных после его пропажи о том, что с ним всё хорошо, мало того, что стоял так близко живым и невредимым, но ещё и замечательно проводил время в увеселительных заведениях с другими дамочками! Ну и что, что этой самой дамочкой была сама Маша?! Он же не знал, что Муся – это Маша! Или всё-таки знал и всего лишь делал вид, что не знал? Сути, правда, этот факт не особо менял и легче ей не становилось, а, когда изо рта вырвалось смелое:

– А если не откажу? Покажешь небо в алмазах?

То и вовсе стало в разы хуже. Господи, что она, вообще, несёт? Какое небо? Какие алмазы? Бежать надо! Бежать и спасать сердце! Но женское любопытство, обида и тяга к справедливости удерживали на месте. Голова трещала от невысказанных вопросов и неозвученных чувств.

Почему ты не пришёл тогда, Богдан? Почему сейчас обнимаешь так, словно имеешь право? Неужели из-за случайного столкновения в баре с девушкой в коротком платье ты уже готов её не отпускать, а Машу, будучи в курсе её влюблённости, можешь с лёгкостью продавить? Что это за помыслы такие? Чем руководствуешься? Неужели только желанием и похотью? Неужели тебе важна лишь физика?

Он вдруг всё-таки сместился вправо, мазнув губами по щеке и остановившись на её губах. Горячо выдохнул и прижался теснее, смазывая помаду, дразня и выворачивая Машину реальность наизнанку. От этого нехитрого заигрывания током прошибло обоих так, словно они пренебрегли правилам, известным ещё с детства, о том, что нельзя совать пальцы в розетку. Мужская хватка заметно усилилась, а глаза напротив отчётливо потемнели, выдавая его желание с головой. Баженова же каким-то чудом сдержала стон, но прогнулась в спине уже по своей воле вжимаясь грудью в его тело.

Со стороны они, наверное, выглядели как перебравшая алкоголя и решившая устроить любовное шоу на виду у всех окружающих парочка, но ни её, ни Зорина этот смущающий факт не волновал. Его волновали её губы, а Машу его действия и давление ширинки на живот.

– Я покажу тебе что хочешь, в чём хочешь и как хочешь, только доверься и согласишься, – почти не разнимая губ, тоном змея-искусителя пробасил он.

А её и искушать-то можно было не стараться. Баженова уже была готова вопреки здравому смыслу на многое, если не на всё. Машинально приоткрыла рот, приглашая. Медленно провела ладонями по бугристым мышцам рук, наслаждаясь ощущениями, которые дарили ей эти прикосновения. Наверное, случись сейчас потоп, землетрясение и появление инопланетян, то она не заметила бы. Потому что мало того, что теряла себя в его объятиях, так ещё и понимала, что невероятно по нему скучала за эти пять с небольшим месяцев, которые они не виделись. По его обаятельной улыбке, проникновенным взглядам, голосу. Хотелось помимо причин его пропажи узнать и о том, как его дела, как проходят дни, как и с кем провёл Новый год, потому что с шестнадцати лет все праздники, кроме этого года, он отмечал у них дома, если был не занят на работе. Хотелось слушать, смотреть, дышать с ним в такт. Хотелось того, что Богдан сейчас предлагал не ей, а роковой красотке Мусе, которую случайно встретил в баре.

Эта мысль, пусть и не совсем, но отрезвила, напомнив о главном и вопросах, продолжавших кружиться в голове беспокойной стайкой маленьких птиц. Зорин же, не подозревая какой бедлам вызвал у неё внутри одним своим появлением, хотел уже было углубить поцелуй, но она в последний момент отстранилась, запрокинув голову назад.

– Ты всем красивым девушкам, с которыми сталкиваешься в клубах, это предлагаешь? – поинтересовалась как бы между делом, заглядывая ему в глаза. – Или это я такая особенная?

Мужчина облизнув губы, на которых осталась её помада, сощурил горящие глаза и, жадно оглядев Машино лицо, отрицательно покачал головой.

– Ты первая, Мусенька. Говорю, стоило тебя увидеть, как всё замерло вокруг. Ещё ни капли алкоголя не выпил, а на ногах из-за тебя еле стою, – произнёс твёрдо. – Возможно всё это звучит очень странно и высокопарно, но это чистая правда. Ни от кого в жизни так не торкало, как от тебя в эту самую секунду, и я не дурак, чтобы, почувствовав такое, позволить тебе пройти мимо.

Каждое слово её одновременно и окрыляло, и огорчало, усиливая обиду.

Значит никто до "Мусеньки" не торкал, да? И их прежнее общение, когда она была собой, для него просто пустой звук? Он же её матерью своих будущих детей в последнюю встречу называл! Говорил, что уже на исходе, что больше не хочет её отпускать, что... Ой, мамочки, как же неприятно! Как же больно! Как же...

Маша отвернулась, пряча глаза и эмоции в них. Однажды Богдан уже воспользовался её слабостью. Да так, что она до сих пор в себя прийти не могла. Повторять подобное ещё раз у неё, мягко говоря, желания не было. Но и спускать эту ситуацию ему с рук Баженова не собиралась. Хватит с неё! Хватит быть слабовольной овечкой, смотрящей на него всю жизнь влюблёнными глазами! Этой ночью она покажет ему то, что никакие Роковые Муси в мини ей настоящей в подмётки не годятся! Отомстит за все свои страдания, переживания и уязвлённую гордость, а потом поставит на нём точку! Чёрную, круглую и жирную! Чтобы на всю жизнь запомнил! Любить после этого, конечно, вряд ли станет меньше, но хотя бы перестанет надеяться и ждать пока Богдан Зорин соизволит отнестись к ней серьёзно, а не как к одной из своих бесчисленной череды подружек.

По счастливому стечению обстоятельств отвернулась она не просто в сторону, а в сторону бара, возле которого толпилась куча народа.

– Хочешь выпить, Муся? – понял по-своему её жест мужчина. – Никуда не уходи, сейчас всё будет.

Не дождавшись ни её согласия, ни отказа, он уверенно направился к барной стойке, продолжая держать её за руку. Благо навстречу им попала группа подвыпивших девчонок, которые, увидев его, облепили со всех сторон и, пьяно хихикая, принялись склонять к групповому танцу, из-за чего Зорину пришлось Марию отпустить, чтобы отцепить от себя ловкие девичьи ручки.

– Эй, здоровяк, тебя-то мы и искали! Ты не можешь нам отказать, слышишь? Ты просто обязан с нами потанцевать! – голосила самая бойкая. – Пойдём, красавчик! Не пожалеешь!

Воспользовавшись тем, что Богдан переключился на них, Маша ловко затерялась среди толпы, намереваясь таким образом заставить его испытать хотя бы часть того разочарования, которое она испытывала, когда он не пришёл на свидание, и испытывала сейчас. Это, конечно, ему как слону дробина, но ей была необходима передышка, чтобы успокоить сердце, проветрить голову и решить, что делать дальше.

В крайне смешанных чувствах Баженова направилась к своей любимой и понимающей в отношениях между женщинами и мужчинами гораздо больше, чем она, Катюшке, сидящей в компании ещё одного друга Машиных братьев, а также своего сложного и сурового майора Соловьёва. Подруга, узнав о том, что с ней произошло, со всей душой включилась в её проблемы.

– ... И что ты ответила на его предложение? – поинтересовалась Трофимова, переживая за неё как за себя.

– Ничего, – со вздохом призналась она.

– Совсем?

– Он отвернулся, чтобы заказать нам выпить, и я сбежала.

– Ты что, Мусь, надо было соглашаться и ехать с ним, чтобы потом заставить его объяснить за своё поведение! – Катя воинственно сверкнула глазами и упёрла руки в боки. – Или хотя бы снова его завести и продинамить в самый важный момент, чтобы прежде знал как сначала приглашать девушек на свидание, а затем на них не приходиться!

Маша нервно хохотнула. О такой подруге, как Трофимова, можно было только мечтать и завидовать. Мало того, что красивая до умопомрачения, так ещё и умная, преданная, отзывчивая, весёлая, безбашенная... Перечислять можно было до бесконечности. Катя со своей непробиваемой уверенностью, раскрепощённостью, любовью к себе и жизни приносила окружающим её людям буйство красок, ослепительные улыбки и неумолимый позитив. Их дружба, начавшаяся ещё в детском саде и продолжающаяся до сих пор, давно перешла в разряд сестринских отношений, благодаря которым девушка смогла побороть множество своих комплексов и сомнений. Особенно в подростковом возрасте – в период прыщей, нескладного тела и неаккуратных комментариев сверстников, застревающих в сознании на долгие годы. Катюшка, будучи всегда самой яркой, самой красивой и харизматичной в любой компании, такими загонами никогда не страдала, любя себя со всеми достоинствами и недостатками. Противоположный пол сворачивал шеи на её копну кудрявых пшеничных волос, сверкающие умные зелёные глаза, кукольное личико и безупречное тело и сами укладывались в штабеля в надежде получить хотя бы толику её внимания. Пылкий темперамент, сильный характер и чёткое понимание того, что она хочет от жизни, а если точнее, то самое лучшее, сразу отсеивали тех, кто был ей не ровня, из-за чего рождались мерзкие слухи и сплетни от самых обидчивых, не имеющие ничего общего с реальностью. Подругу, правда, это не особо волновало и она продолжала жить на полную катушку, получая кайф от каждой секунды. Маша же была её полной противоположностью почти во всём, начиная с внешности и заканчивая общением с этим самым противоположным полом. Баженова не считала себя совсем страхолюдиной, но и оценивала свою внешность трезво. Она была очень даже симпатичной, милой, привлекательной и не более того. Её, впрочем, это полностью устраивало, так как на роль отъявленной красавицы девушка никогда не метила. Хлопотно это да и гиперопека папы с братьями не прошли даром.

Будучи поздним и неожиданным ребёнком в семье, в которой до неё рождались лишь мальчики, Мария испытала на себе все "прелести" родительской заботы. Отец – человек старой закалки и любое отклонение от нормы, принимаемой им за несокрушимую и одну единственную истину, всегда считалось непозволительной роскошью. Владлен старше её на пятнадцать лет от родителя в методах воспитания недалеко ушёл и также пристально следил за каждым шагом младшей сестры. Лёшка, разница в возрасте с которым насчитывалась в десять лет, был мягче, но также очень за неё беспокоился, что порой выливалось в долгие лекции и наставления. Поэтому ни о каких коротких юбках, открытых кофточках, ярких макияжах, прогулок позже девяти вечера и свиданий с мальчиками до восемнадцати лет не могло идти и речи. После восемнадцати и поступления в университет их контроль немного сбавил обороты, но до сих оставался достаточно сильным на неё рычагом. Это, конечно, было не очень здоровой историей и, если бы не Катя, как говорил папа, с юлой в одном месте, то она, наверное, выросла бы очень замкнутой, тихой и совсем без друзей, но, слава всем богам, этого не произошло. Правда, вместо отсутствия друзей у неё было полное отсутствие каких-либо взаимоотношений с мужчинами и в свои двадцать три года Маша была девственницей. Для неё это не было проблемой. Точнее уже не было, так как подруга, поддерживающая её всегда, везде и во всём и будучи более опытной в теме секса и иже с ним, ещё в девятнадцать успокоила её фразой: "В этом нет ничего плохого, зай. Твоё тело – твоё дело, запомни. Кто бы что не говорил и не делал, только ты в праве распоряжаться им". Эта простая истина настолько врезалась в подкорку, что давление общества стало ощущаться гораздо легче, чем ранее. По его мнению быть девственницей до восемнадцати лет – плохо, нечестиво и аморально, а быть девственницей

после двадцати – странно и нелепо. Для Маши подобные двойные стандарты, окружающие всех повсеместно, не были новостью, а по мере взросления, понимания себя и знакомства со своим телом и вовсе перестали иметь особое значение. Ехидные насмешки, порой раздающиеся в медийном пространстве или среди знакомых и приятелей о том, что невинность – это давно пережиток прошлого и тот, кто продолжает "хранить себя" явно не дружит с головой, живёт в каком-то вымышленном фэнтезийном мире, где данное обстоятельство имеет значение, и связываться с такими людьми – пустая трата времени, уже не задевали и не заставляли её считать себя какой-то неправильной и не такой. Маша не хранила себя для единственного и неповторимого, не ждала принца на белом коне и не возводила свою невинность в ценность, а от словосочетания "потерять девственность" ей хотелось поморщиться. Как можно потерять то, что не имеет натурального воплощения, а физиологический процесс этого действия кардинально отличается от стереотипов и мифов об этой теме, укоренившихся в головах людей, благодаря отсутствию минимального сексуального воспитания и банальному невежеству? Она просто не спешила ложиться в постель с кем бы то не было ради того, чтобы просто лишиться этого состояния. Не хотела и, самое главное, не была к этому готова. Да, возможно, ей хотелось бы почувствовать новые ощущения и понять, что в этом сексе такого невероятного и почему вокруг него столько шумихи, но всё сводилось к тому, что представители противоположного пола не цепляли её настолько, чтобы решиться на этот шаг. Не цеплял никто из них, кроме Богдана, и в этом-то и была, наверное, главная Машина проблема, решение которой было ей пока неизвестно. Он будил в ней то, что спало крепким сном рядом с другими мужчинами. Он был предметом её обожания ещё с детства, первой мечтой, первой любовью и первым разочарованием. И в то же время одна мысль о том, чтобы переспать именно с ним, вызывала у неё паническую атаку. Первый раз, когда девушка попыталась найти это самое решение в самом простом выходе, а именно как раз таки заняться с ним самым настоящим сексом, до сих пор снился ей в кошмарах.

Это произошло на её двадцать первый день рождения и в не самом трезвом состоянии. Устав от своих безответных чувств, Маша, с помощью нескольких коктейлей преодолев робость, просто напросто прижала мужчину к стеночке клуба, где отмечала сие событие с друзьями и случайно встретила его, и поцеловала. Богдан по всей видимости тоже был не очень трезв, потому что ответил ей с такой страстью и пылом, что через минуту уже он вдавливал её в стену, вжимаясь пахом в развилку между ножек. Мгновенно потеряв голову и едва выдерживая его натиск, она уже было обрадовалась тому, что таким образом убьёт одним выстрелом сразу двух зайцев – и узнает, что такое секс, и утолит свою тоску по нему. Поначалу так оно, в принципе, и было. Они целовались, как сумасшедшие. Смело друг друга касались. Не скрывали своего желания, а потом... А потом Богдан, привёз к себе домой и набросился в прихожей с не меньшим пылом, чем в клубе, чётко давая понять, что их времяпрепровождение будет очень томным. Баженова горела в его руках, дрожала, не чувствовала землю под ногами вплоть до момента пока её ладонь не сжалась на его эрогированном члене. Как она там оказалась девушка помнила смутно, но то, что это случилось именно по её воле сомневаться не приходилось. Мужчина что-то низко простонал, взглянул на неё так, что реальность перед глазами покачнулась, и толкнулся вперёд. Маша же, обескураженная своими действиями, его весьма выдающимися физическими данными и реакцией, мгновенно протрезвела и сделала то что ни за что нельзя делать, когда творишь глупость. Маша начала думать. Начала и не перестала. Прокрутила всю историю их отношений от начала до конца, до этой самой встречи, которая привела к петтингу. Вспомнила причину, по которой избегала его с шестнадцати лет, и вереницу девушек, с которой его видела в осознанном возрасте. Финальным аккордом стал новый мужской стон прямо над ухом и хриплое:

– Машуля, я больше не могу. Хочу в тебя.

Он чуть отстранился от неё, чтобы найти в карманах спущенных на бёдра брюк презерватив, и Баженова, помимо прочих своих тараканов в голове, испугалась. Испугалась того, что должно было произойти с секунды на секунду. Испугалась силы его желания. Испугалась возможности стать новой, очередной, но далеко не последней сексуальной партнёршей в его насыщенной личной жизни. Испугалась себя и вероятности обзавестись разбитым сердцем на утро. И вместо того, чтобы честно ему в этом признаться и попросить остановиться, она ляпнув:

– Ой, прости, я кажется забыла утюг выключить.

Одёрнула подол платья и без трусиков кинулась прочь из его квартиры. Повезло, что Богдан не ожидал от неё такого финта, иначе с его реакцией вряд ли у Маши получилось бы и шаг в сторону сделать.

Добравшись до квартиры подруги, она заперла дверь на ключ и попросила сонную, ничего не понимающую Катю прибить её сразу, чтобы не мучиться, но подруга была слишком милосердна или наоборот слишком жестока и её просьбам не прислушалась. Столько стыда, неловкости и желания провалиться сквозь землю Баженова испытывала разве что в шестнадцать лет и опять же из-за случая, связанного с Богданом, но в этот раз к этому "прекрасному" букету добавилось ещё и неудовлетворение. Хотелось злиться и на себя, и на него, и на такую непростую жизнь в целом. Девушка абсолютно не понимала, что ей делать дальше, потому что Богдан давно был членом семьи Баженовых и их следующая встреча могла случиться сразу по её возвращении домой. И, не придумав ничего лучше, Мария приняла решение спрятать голову в песок и всеми правдами и неправдами его избегать. Не самое взрослое поведение, но в тот момент эта идея показалась самой верной и правильной в сложившейся ситуации. Получалось у неё это прекрасно. Женская интуиция работала на полную мощность и за почти год с того дня не подвела ни разу. Девушка слышала о Зорине от родителей, братьев и подруги, но лично и тем более один на один с ним больше не встречалась до прошлого лета в гостях у Трофимовых и некоторых семейных праздников, когда рядом было много людей, за которыми можно было со спокойной душой спрятаться. Осенью же пришла к нему сама, чтобы выведать информацию о Кате, и в итоге осталась ни с чем. Сегодняшняя встреча... А к чему, интересно, её приведёт их сегодняшняя встреча?

– Я сама об этом же в первую секунду подумала, – Маша нервно пригладила парик под тёплым взглядом подруги. – Он ещё так улыбался, что одновременно и зацеловать его хотелось, и придушить.

Катя понимающе улыбнулась.

– Знакомое чувство. Тогда тем более нужно было соглашаться! По ходу дела разобралась бы чего хочется сильнее. Зацеловать, придушить или и то, и другое сразу.

Идея была рискованной, опрометчивой и, на взгляд Баженовой, даже безрассудной, но сегодняшний вечер похоже был создан для совершения глупостей, на которые девушка в трезвом состоянии и при свете дня абсолютно точно не решилась бы. Правда, бросать подругу одну в баре, полным веселящихся людей, в её планы не входило, хотя Трофимова не имела на этот счёт ничего против, так как, судя по хитрому блеску в глазах, что-то задумала. И вероятнее всего это "что-то" касалось её майора Соловьёва, по всей видимости, также находящегося где-то здесь.

– Не думай обо мне, оторвись на славу и не забывай, что сегодня ты Муся – роковая, раскрепощённая и свободолюбивая кошечка с коготками! – напутствовала её она. – Заставь Богданчика пожалеть о том, что он тогда не пришёл! Я верю в тебя! Ты сможешь! Если что, сразу звони. Я приеду и...

– Познакомишь его со своими двенадцатисантиметровым шпилькам? – хихикнула Маша.

– И с битой. Ты знаешь, у меня лежит в багажнике.

Попрощавшись, девушки разошлись каждая в свою сторону. Катя – за столик, а Баженова куда глаза глядят. Смотрели же они сегодня исключительно в сторону Зорина, который, воз-

вышаясь над толпой, сканировал всех внимательным взглядом в поисках кого-то. Кого именно догадаться было несложно. Подойдя к нему со спины, девушка на мгновение зажмурилась, собираясь с силами исполнить свои намерения по отмщению за уязвлённую гордость, глубоко вздохнула и, подняв руку, провела ладонью от плеча до поясницы. Богдан отреагировал мгновенно. Резко развернувшись, он поймал её руку, застывшую в воздухе, и потянул на себя, из-за чего Маше пришлось встать к нему вплотную.

– Зачем сбежала? – полуигривым-полутребовательным тоном спросил мужчина, смерив её нечитаемым взглядом.

– Я не сбегала.

– Разве?

Девушка мысленно дала себя подзатыльник, напоминая, что ей нужно быть Роковой Мусей, а не тонущей в его глазах Машеньке Баженовой. Роковая Муся не стояла бы истуканом, не зная, что ответить. Она, наверняка, вывернула бы ситуацию в свою пользу и сделала что-нибудь в своём роковом стиле. Вот только что именно?

– А ты зачем меня отпустил?

Маша вздёрнула вверх подбородок, стараясь выглядеть более уверенной.

– Я тебя не отпускал.

– Разве?

Зорин усмехнулся, поняв, что она не намерена отвечать на его вопрос, и крепко переплёл её пальчики со своими. Этот жест заставил Машино сердечко сбиться с ритма.

– Теперь точно не сбежишь.

В искусстве побега от него Баженова давно достигла мастерства и нельзя было исключать вероятность того, что эти навыки ей сегодня ещё понадобятся. Неизвестно в какой момент могут закончиться силы играть Мусю да и в любом деле нужна мера, поэтому Маша со спокойной душой пропустила его слова мимо ушей, что, как выяснится позже, сделала очень зря. Зато не пропустила то, как его вторая рука пробралась под пиджак и принялась исследовать узор кружева на платье. Начал он с лопаток и, наблюдая за её реакцией, медленно спускался всё ниже и ниже, остановившись на пояснице и не переходя грань дозволенного. Или скорее оставляя всё, что ниже, на десерт. А глазами тем временем, казалось, раздел её и ощупал несколько раз, причём совершенно этого не скрывая.

– Ты хотел просто постоять и подержаться со мной за ручки? – стараясь скрыть волнение, поинтересовалась девушка. – Или в программе на ночь предусмотрено что-то ещё кроме этого детского сада?

Другой бы, наверное, обиделся или возмутился её резкостью, но Богдан только очертил взглядом её лицо и многообещающе улыбнулся. От этой улыбки у Баженовой закружилась голова и едва не подкосились ноги.

– Надо же, у моей кошечки вместо острых коготков, оказывается, есть острый язычок.

– "Твоей"? С каких пор?

– С тех, как я стал твоим, Мусенька.

Ей стоило бы задуматься об этих словах и их истинном смысле, но Зорин не позволил Маше это сделать, прижав к своему боку и уверенно направившись в сторону выхода. Остановился только у гардероба, чтобы забрать верхнюю одежду. Проследил за тем, как она надела пальто и застегнула на нём все пуговицы, и снова целенаправленно двинулся на улицу. Ночи, несмотря на апрель, до сих пор оставались прохладными, но ни он, ни она, разгорячённые атмосферой в баре и друг другом, этого не ощутили. Да и вызванное им заранее такси, подъехало очень быстро. Водитель, стоило им только усесться на заднее сидение, поприветствовал их неожиданным:

– Начнёте обжиматься в тачке, сразу высажу. Я держать свечку на нанимался, всё ясно?

Баженова мгновенно покраснела, судя по ощущениям, став пунцовой. Хорошо, что было темно и никто из мужчин этого не увидел. Чувствовала она себя в данный момент представительницей древнейшей профессии. Не сказать, конечно, что девушка знала какво ею быть на самом деле, но ситуация всё равно была достаточно двусмысленной.

– Расслабься, друг, – предупреждающе одёрнул таксиста Богдан, переглянувшись с ним в зеркале заднего виденья. – С такой девушкой, как моя, если и обжиматься, то исключительно на шёлковых простынях, а не в твоём, прости за прямоту, корыте.

Она мысленно застонала от неловкости и отвернулась к окну, мечтая слиться с обивкой сидения. Картинка, нарисованная Зориным, возникла перед глазами как по приказу, отчего ей мгновенно стало ещё жарче. Шёлковые простыни, она, "обжимания"... А ведь такой сценарий был вполне возможен. И даже необязательно на шёлковых простынях. С ним её бы и вполне обычные, хлопковые, устроили.

– Ну-ну, – не поверил ему водитель и, собственно, не зря не поверил, потому что стоило только машине двинуться с места, как мужская рука оказалась на её колене, выглядывающем из-под распахнутых пол пальто.

Каким только чудом Маша не вздрогнула было непонятно, потому что его ладонь оказалась обжигающе горячей и поразительно наглой, так как почти сразу она двинулась вверх по ноге. Для водителя это скорее всего выглядело так, словно они держались за руки, а на самом деле... Девушка сглотнула. А на самом деле её руки никак в этом действе задействованы не были. Его пальцы сжимали ровно настолько, чтобы она чувствовала их давление, но на коже не осталось синяков. Сжимали, ласково поглаживали и постепенно смещались на внутреннюю сторону бедра, заставляя её прикусить нижнюю губу. Ощущения для Баженовой были незнакомыми, крайне необычными и пикантными. Ей было неловко, немножко щекотно и множко приятно. Мурашки гордо вышагивали по коже, сдавая её с потрохами, а сердце в груди то замирало, то снова пускалось вскачь.

– Здесь налево, – проговорил низким голосом мужчина, когда водитель в растерянности затормозил перед пустым перекрёстком.

– У меня навигатор показывает другую дорогу.

– По ней ехать дольше, а не тебе, не мне это не нужно, так что сворачивай куда сказал.

Таксист подчинился и Богдан многозначительно посмотрел на неё. Пусть у Маши ещё не было сексуального опыта, познаний в флирте и во взаимоотношениях полов в целом, но этот взгляд она поняла прекрасно. Таким взглядом её пёс – немецкий дог по имени Геральд-Филипп-Людвиг-Третий, а для семьи просто Гера, смотрел на любую приготовленную мамой еду и закапывал пол слюнями. Взгляд, полный желаний. В их случае без слюней, но со сбивающей с ног похотью. Для неё, Марии Валентиновны Баженовой, это было ново и, наверное, отчасти чересчур. И сама ситуация в целом – из ряда вон. Для Роковой Муси в мини – привычное дело. Давать задний ход было поздно, а под таким прожигающим насквозь взором даже невозможно, поэтому девушка вновь прибегла к помощи своего сегодняшнего альтер эго. В нём отвечать ему было не так страшно, как будучи самой собой, а отвечать нужно было срочно. Их переглядки затягивались, пауза тоже, напряжение возросло до максимума. Его можно было хотя бы немного сбавить, а также можно было пойти на риск в стиле Муси, чтобы попробовать что-нибудь новое, а также испытать и себя на смелость, и дать Богдану понять, что она тоже не лыком шита и может играть с ним наравне. Ну или хотя бы мастерски делать вид, что может.

"...оторвься на славу и не забывай, что сегодня ты Муся – роковая, раскрепощённая и свобододолюбивая кошечка с коготками!" – всплыли в памяти слова подруги и, сглотнув, Баженова впервые в жизни пустилась во все тяжкие.

Чуть шире расставив ноги и не прерывая зрительного контакта, она накрыла его ладонь своей и немного спустилась ниже на сидении, надеясь, что со стороны это выглядит, как минимум, эротично и, как максимум, сногшибательно. Погладив пальцы, Маша свободной рукой

растегнула пальто полностью, но не распахнула его, оставляя мужчине простор для воображения. Судя по блеску в глазах напротив, он не имел ничего против и ждал её следующего шага. Чтобы на этот самый шаг решиться девушке понадобилось несколько секунд и мысленного окрика на себя саму: "Ну, давай же! Не тормози! Действуй!". Постаравшись придать лицу как можно более сексуальное и в то же время непринуждённое выражение, Баженова медленно сдвинула его ладонь по своему бедру выше. Каре-зелёные глаза напротив опасно прищурились, как бы намекая, что она играет с огнём. Ещё выше и Богдан плотоядно облизнулся, из-за чего у неё сердце сделало сальто. Ещё и их руки коснулись края её платья. А, учитывая его длину, где был край, там было и всё остальное, чего до Богдана ни один из других мужчин не касался. Бельё на ней сегодня было под стать платью – кружевным, тонким и почти прозрачным, поэтому она чувствовала сквозь него всё. И это, мягко говоря, очень волновало и вызывало желание поёрзать на месте, чтобы... Чтобы ощутить его пальцы, чтобы прижаться к ним теснее, позволить им проникнуть внутрь и... Во рту пересохло только от одной мысли о том, чтобы вести себя так раскованно. Так, как ранее не вела себя никогда.

"...заставь Богданчика пожалеть о том, что он тогда не пришёл! Я верю в тебя! Ты сможешь!" – снова послышался в замутнённом сознании Катин уверенный голос.

Самой бы не пожалеть потом, но это будет потом. Сейчас – ещё один шаг через свою робость и неопытность.

Маша слегка вскинула бёдра навстречу ладоням, но, благодаря кочкам на дороге и не очень аккуратному вождению таксиста, "слегка" получилось как "совсем не слегка". Подпрыгнув на сидении и невольно сжав ноги, она только усилила давление рук на нежные складочки и, поражённая новыми ощущениями, испуганно замерла. Не то что бы мастурбация или петтинг были для неё открытием. Несмотря на девственность, Баженова не была зашоренной ханжой, которая лишний раз боялась взглянуть на себя обнажённую в зеркало. Наоборот прелесть ласки себя девушка познала ещё в подростково-юношеском возрасте, когда энергия и гормоны бушевали на полную мощность, а сверстники и любые другие представители мужского пола не вызывали ничего подобного, что вызывал в её душе Богдан. Поэтому приходилось искать выход, так сказать, в подручных средствах, тем самым познавая себя, своё тело и предпочтения. После к самопознанию прибавились ещё и научные статьи, объясняющие, что в мастурбации нет ничего плохо, интервью сексологов и психологов, книги с высоким содержанием эротики и, куда без них, фильмы для взрослых. На секс-игрушки Маша пока не созрела, хотя Катя порывалась ей их подарить, из-за того, что существовала вероятность их обнаружения кем-нибудь из родных, для которых её комната до сих воспринималась как комната маленькой девочки, играющей с куклами. Так что ощущения от стимулирования головки клитора, прикосновений к половым губам и возбуждение от этих нехитрых манипуляций ей были давно и хорошо знакомы. Марию обескуражило то, какую остроту, силу и яркость они приобрели, когда заветного местечка коснулся именно Зорин. И она и до этого-то момента была чуточку пьяна, а сейчас словно опрокинула в себя несколько стопок дедушкиного самогона на голодный желудок. Унесло мгновенно. Чувствовала как возбуждение ноет и пульсирует под его пальцами, как оно беспокойно ворочается внизу живота и как отзывается сладкой истомой во всём теле. Видела как его накрывает не хуже, чем её, как он буквально пожирает её глазами и неровно дышит. Тело напряжено, а ширинка... Баженова туда старалась не смотреть вовсе, так как воспоминания о его размерах, толщине и форме до сих пор вызывали у неё состояние, близкое к панике.

– Дыши, кошечка моя, – одними губами произнёс мужчина, немного положение ладони и накрывая её между ног полностью. – Дыши.

Маша послушно выдохнула и тут же что есть мочи вцепилась в подголовник переднего пассажирского кресла, когда его пальцы проникли глубже и принялись умеючи потирать, гладить и ласкать. Осознание того, что это сейчас происходит с НЕЙ в, чёрт возьми, ТАКСИ и не с кем-то там, а именно с НИМ – любовью всей её жизни, выводило чувства на совершенно новый

уровень. Маше было одновременно ужасно неловко, хотя скорее даже стыдно перед водителем, совершенно необычно от своего поведения и невероятно хорошо от происходящего между её ножек. Ситуация, достойная экранизации. В лучшем случае в авторском кино, в худшем – в порно. Она вроде бы и понимала, что то что в данный момент с ней происходило, происходит по-настоящему, в реальности, но в то же время не могла поверить и осознать. События разворачивались слишком стремительно, слишком... Господи, да всё для неё сегодня было "слишком". Богдан с его пылом и страстью в особенности. Вот только оторваться от него, напомнить себе о своих изначальных планах, быть где-то, но не рядом с ним, сейчас представлялось для девушки невозможным.

– Останови здесь, – не отрывая от неё горящих глаз, хрипло приказал он водителю.

Таксист послушно затормозил, а Маша прикусила нижнюю губу, чтобы не застонать в голос, когда мужчина медленно, мучительно медленно, отстранился, оставляя после себя пустоту. Тело протестующе заныло и потребовало немедленного продолжения банкета, но она только запахнула покрепче пальто, понимая, что абсолютно точно не сможет его сейчас застегнуть дрожащими пальцами. Зорин, выйдя из машины, почти бегом её обошёл, пока девушка поправляла одежду, и, распахнув дверь, галантно подал руку, что было как никогда кстати, так как ноги совершенно не слушались, а вкупе с каблуками и не очень ровным после зимы асфальтом вовсе разъезжались в разные стороны, так и намекая своей хозяйке, что в его присутствии хотят быть исключительно в раздвинутом положении. Ветер, стоило Баженовой полностью оказаться на улице, подхватил полы незастёгнутого пальто, открывая на обозрение её задравшееся платье и покрытую мурашками кожу, что не укрылось от внимательного мужского взгляда.

– Давай в следующий раз одеваться по погоде, Мусь, хорошо? – захлопнув дверь такси, тем же голосом, с головой выдающим его возбуждение, протянул Богдан. – Я, конечно, от тебя и твоего наряда в полном ауте, но болеть тебе ни к чему.

И не давая ей возможности ответить, вдруг с поражающей лёгкостью подхватил на руки и стремительно направился по уже знакомому маршруту. Подъезд, лифт, шестой этаж. Поставил на ноги лишь возле квартиры, крепко прижав к себе, чтобы достать ключи от входной двери. Маша всё это время наблюдала за собой и за происходящим будто со стороны, считывая свои эмоции и реакции. Здравый смысл, давно махнув на неё рукой, обидчиво молчал. Сердце сходило с ума от радости. Тело предвкушало приобретение нового опыта. Любопытство прожигало изнутри. Гордость, подпитываемая страхами и сомнениями, в ультимативном порядке приказывала придерживаться первоначального замысла об отмщении. Сумасшедший коктейль, утративший какое-либо значение и влияние, когда Богдан, справившись с замком, втянул её внутрь квартиры и буквально распял у первой попавшейся стены. Навалился сверху и впился в губы жгучим поцелуем, шаря руками по телу. Ничего не осталось без его внимания – ни шея, ни грудь, ни живот, ни попа, ни другие части тела. Сжимал, мял, вырывал один рваный вздох за другим. Губы горели, как и, казалось, всё вокруг. Баженова изо всех сил старалась отвечать ему наравне, но не хватало ни роста, ни опять же опыта, зато энтузиазма было хоть отбавляй. Ещё бы решительности побольше, то было бы, вообще, замечательно, хотя, учитывая их ситуацию и то, что она обычно превращалась в каменное изваяние рядом с ним, уже и этому, наверное, стоило радоваться. Радоваться и наслаждаться процессом, стараясь отключить голову полностью и вновь не начать думать.

– Ну какая же ты-ы-ы... – выдохнул Зорин, оторвавшись от губ и переключившись на шею и ключицы. – Киса, я же тебя сожру. Облизу сначала всю с головы до ног, вылижу, а потом сожру.

В подтверждение своих слов он втянул в рот кожу между шеей и плечом, оставляя засос. Затем выпустил, облизал и снова втянул. И так несколько раз на разных открытых участках

тела, не забывая вслух озвучивать свои впечатления и намерения, отчего Маша окончательно и бесповоротно теряла связь с реальностью.

– Сладкая. Вкусная. Муся-я-я... Попала ты, Муся. Ой, как попала. Хочу тебя до звона в ушах и яйцах. Хочу тебя целиком и полностью. Хочу во всех возможных позах... Хочу, Киса! Идеальная моя. Невероятная. Моя-я-я... Мусямоя... МояМуся... Звучит ох*енно! И ты, Муся, ох*енная! Крышу от тебя, чувствуешь, как сносит? Чувствуешь, Кошечка моя?

О, да, она чувствовала! Ещё как чувствовала! Наверное, отчасти из-за того, что у самой крыша ещё в такси отправилась в отпуск без обратного билета.

– Как теперь от тебя оторваться-то, Муся? – провёл носом по шее, щекоча тяжёлым дыханием. – Как в край не залюбить?

Девушка задрожала, когда он снова посмотрел ей в глаза. Взгляд, не оставляющий ей и шанса на то, чтобы вспомнить о... О чём? О чём нужно вспомнить? Боже...

– Или ты не против, Кис? – Богдан прижался своим лбом к её. – Не против, если я тебя залюблю?

Знать бы ещё каково это быть "залюбленной". Она могла это себе только представить и то подозревала, что представления и реальность будут очень сильно отличаться друг от друга. И скорее всего не потому что мужчина не оправдает ожидания, а наоборот превзойдёт их так, что ей потом и вовсе им переболеть никогда в жизни не получится.

– Я вот очень даже не против.

Зорин, стиснув зубы, потёрся стояком о её живот и Маша вцепилась в него мёртвой хваткой, ощущая, как ноги предательски подкашиваются.

– Только об этом и могу думать с момента как мы столкнулись. Как ты лежишь подо мной такая красивая, голая, мокрая. Как пьяно смотришь и кусаешь опухшие губы, – он прикоснулся большим пальцем к уголку губ, которые уже, суда по покальванию в них, раскраснелись и опухли. – Как раскрываешься и выгибаешься навстречу. Как мне в тебе идеально.

Кто-нибудь, принесите огнетушитель! Или лучше даже два... Нет, сразу пять! В противном случае она просто напросто может сгореть до тла в эту самую секунду.

– Я уверен, кошечка моя. Я уверен, что это будет красиво. Чистый кайф, Мусь.

Мгновение и верхняя одежда полетели куда-то в сторону. Туда же отправился её пиджак и Богдан отступил на шаг назад, окидывая голодным её взглядом полностью. Как только платье само от этого взгляда не расстегнулось и не слетело с неё, не забыв прихватить с собой нижнее бельё, девушка не знала, но понимала, что вряд ли смогла бы этому воспрепятствовать.

– Ты – чистый кайф.

Он облизнулся и Маша, не выдержав такой сексуальной картины, прикрыла глаза в надежде, что это поможет хотя бы немного прийти в себя. Или даст сил, чтобы не стоять зацелованным истуканом, приклеенным к стеночке. Но события сегодняшнего вечера до сих пор никак не укладывались в голове. Она... Богдан... Его такое откровенное и сумасшедшее желание... Её растерянность и ни с чем несравнимые, новые, дикие по своей силе ощущения... Может, чтобы стало легче, нужно не просто закрыть глаза, а... А, например, отвернуться? Встать лицом к стенке и, так сказать, презентовать себя со спины?

Тело не слушалось и совершенно не желало отрываться от вертикальной и надёжной поверхности, но, проявив чудеса воли, она всё таки развернулась. Упёрлась лбом и дрожащими руками о стену, расставила пошире ноги и прогнулась в спине, оттопыривая пятую точку и мечтая, чтобы с его ракурса это выглядело эротично и красиво, а не так, будто пьяная девица решила вблизи познакомиться с рисунком на обоях. Они, кстати, были ничего такие, миленькие. Сразу видно, выбирались с умом и...

– Киса-а-а... Ты... Ты что творишь? Тебя меня совсем не жалко? Я же сейчас прямо в штаны спущу, – простонал сзади мужчина и, как и несколько минут назад, навалился сверху, впечатывая собой в стену.

Зарылся лицом между шеей и плечом. Лево́й руко́й принялся на ощупь изучать узор на кружеве платья на этот раз в районе груди, а друго́й, разместив поперёк талии, подтянул на себя, из-за чего их тела, словно детали конструктора, идеально совпали. Теперь его стояк упирался ей не в поясницу, а аккуратно в попу. И, как уже, наверное, можно было догадаться, Машины надежды на возвращение здравого смысла с треском провалились. Возбуждение внизу живота жарко запульсировало, дыхание перехватило, а трусики, те самые – кружевные и почти прозрачные, промокли. Температура воздуха, казалось, подскочила до каких-то нереальных значений и во рту пересохло, будто она не с любовью всей своей жизни в прелюдию играла, а только что пробежала марафон. Хотя, судя по явным признакам, например, тому же стояку, что-то типа марафона ей сегодня Богдан обещал обеспечить. Только похоже, что такими темпами они не то что до финиша не доберутся, а даже до старта не дотянут.

– Нет, кошечка моя, ты лучше, чем кайф. Ты – экстаз во плоти.

Девушка задохнулась, когда его рука с талии плавно переместилась ниже и широкая ладонь накрыла проомежность, не оставляя ни единого свободного миллиметра. Платье на бёдрах задралось, облегчая ему задачу. Пальцы то проникали внутрь, потирая чувствительные местечки и дразня, то кружили по половым губкам, то просто поглаживали всё разом. Мужские губы ласково прихватили мочку уха, а другая рука принялась с ещё большим энтузиазмом исследовать грудь, усиливая удовольствие. Хотя, наверное, это слово не совсем точно описывало то, что она сейчас чувствовала. Баженова, может, была бы и рада выражать свои эмоции и желания также смело и открыто, как это делал он, но словарный запас в данную минуту ограничивался лишь не очень информативными междометиями, которые то и дело вырывались из груди.

– М-м-м... – постанывала в такт его движениям. – А-а-ах... – выдыхала, выгибаясь сильнее.

– Тебе нравится, Мусь? Тебе хорошо?

Ей было непривычно, ошеломляюще и фантастически восхитительно. И Машино тело об этом не то, что говорило, а кричало во всеуслышание. Сердце билось как сумасшедшее, готовое разорваться от радости. Голова кружилась. По венам то и дело пробегали разряды тока. То, что творилось между ног, и вовсе не хотелось комментировать, так как влажные звуки были отчётливо слышны им обоим. Но Богдан ждал ответа. Ждал с нетерпением и она не смогла промолчать, вслух признавая то, что ещё даже мысленно не успела осознать.

– Да, – голос звучал необычно хрипло. – Да, мне... Мне нравится, Богдан, – и прежде, чем успела передумать, честно выпалила откровенное: – Твои пальцы во мне мне очень нравятся. И ты... Ты тоже нравишься.

Зорин на мгновение замер, видимо переваривая услышанное, а потом одним движением развернул её к себе лицом. Опалил диким взглядом и вдруг подхватил под попку, поднимая и вынуждая обхватить ногами его торс. Теперь стояк упирался прямо туда, где ещё секунду назад была его ладонь. И этот факт волновал девушку до дрожи во всём теле. Волновал и видимо напрочь блокировал прежнюю стеснительность, потому что вместо того, чтобы быть послушной девочкой и лишней раз даже не дышать, Маша поёрзала, потираясь грудью о его грудь и вульвой о вздыбившуюся ширинку. Мужская хватка на ягодицах стала крепче и в пору было бы забеспокоиться о синяках в форме его пальцев на мягком месте, но, учитывая количество засосов на шее, ключице и спине, переживать об этом уже было поздно. Похоже к утру она будет вся в них. К утру она, наконец, узнает что такое секс на практике и в двадцать три года перестанет быть девственницей.

– Кисунь, я же и так еле держусь, – он с трудом сглотнул.

– Зачем?

Глаза напротив затягивали, манили и одновременно пугали степенью желания в них. Неужели так можно хотеть малознакомую, пусть и красивую, девушку? Неужели образ Роковой Муси его настолько зацепил?

– Что "зачем"?

– Зачем держишься?

– Затем, чтобы не взять тебя прямо здесь, в прихожей, у входной двери.

Первой реакцией было снова испуганно зажмуриться или даже закрыть лицо руками и заявить, что она в домике и трогать её нельзя. Но тело, которое его ответ приняло, мягко говоря, на ура, выдало совершенно противоположную реакцию первой, видимо включившись в игру в уверенную и раскрепощённую красотку на полную катушку.

– А где хочешь взять? – голос, на удивление, приобрел игривые, несвойственные девушке нотки. – На тех самых шёлковых простынях?

– Тебя хочется брать везде. Только ты у меня кошечка породистая и, как ни крути, а нужно соответствовать.

С этими словами он двинулся вглубь квартиры, доставшейся ему от родителей. Маша уже была здесь и даже в темноте могла с лёгкостью определить расположение комнат и мебельную обстановку, поэтому по одному месту нахождения окна в комнате, куда Богдан её принёс, поняла, что они находятся в его спальне. В ней пахло свежестью с улицы из открытой форточки и его терпким запахом, от которого голова закружилась пуще прежнего.

– Простыни, конечно, не шёлковые, но, если тебе принципиально, в следующий раз будут шёлковые. Не проблема.

– В следующий раз? – эхом переспросила девушка.

– А ты думаешь мне одного раза с тобой хватит? – хмыкнул Зорин. – Я же говорил, что ты попала, Мусь. По самую макушку попала.

– Что ты имеешь под этим вви...?

Она не успела договорить, так как мужчина разжал руки, позволив ей свободно с него соскользнуть и тем самым снова проехаться по всем выпирающим частям тела своими частями. Слова застряли в горле, а потом, когда он одним движением стянул футболку через голову и бросил на пол, Маша вовсе поступила так, как приличные девочки не поступают – взяла и совершенно невоспитанно разинула рот, выпучив глаза и едва не пустив слюну. Нет, конечно, было очевидно, что Богдан следит за своей спортивной формой. К этому его обязывала работа, воспитание и жизненные привычки. У него были боксёрское прошлое, многолетняя служба в органах и целая энциклопедия в голове из специфических знаний и умений, начиная от различных техник рукопашного боя и сбора-разбора оружия и заканчивая навыком колки дров и плетением косичек. И, учитывая всё это, наверное, не стоило так впечатляться широкими плечами, стальными мышцами, сильными руками с перевязью тату на них, мощной груди с порослью тёмных жестковатых волос и кубикам пресса. Определённо не стоило. К тому же, в конце концов, они не первый день были знакомы и она не раз видела его в обтягивающей одежде да и сегодня ощупала это богатство, казалось, вдоль и поперёк, а всё равно, увидев его во всей красе так близко, зависла. Или, правильной будет сказать, залюбовалась? Залипла? Как объяснить одним словом состояние, при котором хочется снова ощупать каждый сантиметр его идеального, словно вылепленного умелым скульптором с фетишем на атлетическое телосложение тела руками, а потом пройтись по тому же маршруту, но уже языком? И как смириться с тем, что у неё, в принципе, такие мысли завелись в голове? И как перестать пялиться?!

– Ты... – моргнула и, совершенно не подумав, как это будет выглядеть со стороны, облизнулась. – Красивый, Богдан.

При свете дня, будучи самой собой, она бы ему никогда этого не смогла сказать. А сейчас Роковая Муся констатировала правду. Он, действительно, был очень красивым, очень сильным и очень сексуальным мужчиной. Не мудрено, что рядом с ним всегда было, есть и будет много

девушек, надеющихся заполучить его внимание. Сегодня это самое внимание заполучила она, Маша, а завтра... Нет, о "завтра" лучше не думать. Сейчас есть только сейчас. Тем более пьяные от алкоголя и страсти люди о будущем не беспокоятся, они просто творят глупости, и Баженова в данную минуту именно к этой категории и относилась. Пьяная, глупая, заведённая, влюблённая, желающая мужчину, стоящего напротив неё, как никого ранее. Полный набор.

– Муся, – позвал Богдан и пришлось заставить себя посмотреть ему в лицо. Посмотреть, натолкнуться на сбивающий с ног взгляд и пропасть в нём без вести. – Кошечка моя, мне, конечно, приятно, но ещё один такой взгляд или комплимент и я опозорюсь.

Девушка сначала было непонимающе свела брови к переносице, но в следующую секунду до неё дошло, что он имел в виду. Сразу вспомнились "...прямо в штаны спущу" и "...и так еле держусь" и щёки, как по приказу, в который раз за вечер вспыхнули. Хорошо, что подсветка по периметру спальни, которая включилась автоматически, стоило им только появиться в комнате, была не такой яркой и Машино смущение осталось за кадром.

– Мне закрыть глаза глаза и молчать? – выпалила, отвлекая в первую очередь себя.

– Боюсь, что и это мне тоже не поможет.

– Тогда... – Баженова потянулась к молнии на платье, находящейся сбоку, и не оставляя себе шанса на то, чтобы передумать, быстро потянула язычок вниз. – Тогда нам нужно сравнять счёт.

Платье соскользнуло вниз, к ногам, оставляя её в одних трусиках. Мужские глаза проследили за его падением, а потом медленно, о-о-очень медленно вернулись обратно к лицу. И вроде бы он к ней и пальцем не притронулся, а такое ощущение, что облапал, не стеснясь, всю. Машино тело, правда, в модельные стандарты не вписывалось, чтобы смотреть на него с таким восхищением, но она к ним никогда и не стремилась. Её полностью устраивал средний рост, тип фигуры в виде песочных часов, аккуратная грудь и ровные стройные ноги. При этом ею также были обожаемы каждая складочка, родинка и шрам. Она была живым человеком и тело у неё было как у живого человека со своими достоинствами и недостатками. У Богдана же девушки, с которыми он обычно проводил время, в основном выглядели так, будто их кто-то отфотошопил в реальной жизни. Этот факт, помимо того, что она стояла почти ГОЛАЯ перед НИМ, немного, самую малость, напрягал. Но он не дал ей и секунды на сомнения и неуверенность, хрипло протянув:

– Нет, я тебя точно оближу, вылижу и сожру. Ты сама себе приговор подписала, Кисунь.

– Я должна посчитать это за комплимент?

Откуда только силы и смелость брались на такие разговоры в таком виде и в такой обстановке? Наверное, это всё Катюшкин парик. Передавал смелость и раскрепощённость своей хозяйки ей.

– Ты должна принять то, что я тебя-шикарную теперь отпущу от себя разве что только до туалета и то не факт.

Девушка не успела ответить, потому что в следующую секунду он наклонился, обхватил её лицо ладонями и поцеловал. Также страстно и жадно как несколько минут назад в прихожей, но с привкусом чего-то ещё. О чём она, по своей неопытности, ещё не знала. Это "что-то" всколыхнуло такую бурю в душе и отозвалось таким импульсом удовольствием по всему телу, что пришлось ухватиться за его плечи, чтобы устоять. А через несколько секунд, привыкнув к очередным новым ощущениям, Баженова приподнялась на носочки, теснее прижалась своей голой грудью к его и заскользила ладонями по предплечьям, спине и мощному затылку, не в силах отказать себе в этом наслаждении. В местах соприкосновений кожа вспыхивала огнём и покрывалась приятными щекотными мурашками. Богдан, не отрываясь от неё, шагнул вперёд, вынуждая девушку в свою очередь шагнуть назад. Через пару таких шажочков она натолкнулась икрами на кровать и чуть было не потеряла равновесие, но его сильные руки удержали, а если точнее, то мягко уложили. Почувствовав спиной прохладную ткань постель-

ного белья Маша распахнула глаза, осознавая, что вот он этот момент Х. Момент, которого она боялась раньше и боится сейчас, вот-вот случится. И она расстанется со своим статусом девственницы раз и навсегда. С мужчиной, которого любила, кажется, всю жизнь. Перед которым ещё несколько месяцев назад и пары слов связать не могла. С мужчиной, который видел в эту секунду перед собой не её, а...

– Мусенька... – Богдан навис сверху на вытянутых руках. – Кошечка моя, ничего мне сказать не хочешь?

Баженова сглотнула и покачала головой.

– Что сказать?

Он вздохнул, какое-то время молча на неё посмотрел нечитаемым взглядом и потом растянул губы в обаятельной многообещающей улыбке.

– Как ты любишь? Быстро, медленно? Погрубее, понежнее? Чередуя?

Э-э-э... Маша снова зависла как старая операционная система, стараясь понять, что именно Зорин хотел от неё сейчас услышать. Мозг и так не особо соображал, вся смелость грозила испариться с минуты на минуту, если он сейчас же не перейдёт к главному событию сегодняшнего вечера, а Богдан ещё и вопросы странные задавал. Быстро... Медленно... Погрубее... Что это, вообще, означало? И... В голове неожиданно щёлкнуло, а перед глазами на мгновение возникли кадры из фильмов для взрослых, где актёры, трудясь в поте лица, демонстрировали любопытному зрителю не только свои тела, но и познания в позах, методиках и уровень физической подготовки, порой двигаясь так быстро, что в голове не укладывалось о том, как они ещё стоят на ногах и стонут от якобы удовольствия, а не от судорог. Некоторые из них были особыми профессионалами своего дела и вколачивались в своего партнёра по съёмкам с каким-то особым остервенением, поражая воображение и невольно вызывая сочувствие ко всем участникам сего занимательного процесса. Баженовой всегда казалось, что это больно и неприятно, когда в тебе с такой силой и скоростью двигается что-то инородное. Возможность подтвердить или опровергнуть данное предположение до этого самого момента ей не удалось, а Богдан ждал ответа. Смотрел пристально и не сдвигался ни на миллиметр в сторону, придавливая к кровати и не подозревая о том, что сейчас у неё творилось в мыслях.

– Я... – девушка взволнованно смяла в ладонях одеяло. – Ты...

Неужели он также умеет быстро двигаться, занимаясь сексом, как те актёры? А если... Если это всё-таки больно? Хотя... Это будет её первый раз и непередаваемого удовольствия, которое описывают в книгах и опять же показывают в фильмах, ждать определённо не стоит. Тогда, получается, что нужно ему сказать, что она девственница во благо, в первую очередь, своей же безопасности. Обязательно нужно предупредить! Вот только язык прилип к нёбу, а короткие волосы парика упали на глаза, напоминая о том, в чьём образе Маша сейчас находилась. Ведь, если признается, то какова вероятность, что Богдан поверит? Или точнее, каков шанс, что не разглядит за этим маскарадом давно безответно влюблённую в него девчонку, на свидание с которой он не захотел прийти? Продолжат ли они в том же духе или Зорин снова её отвергнет? В таком случае она точно сгорит на месте со стыда! Мало того, что обманула его, втянув в непонятную схему с переодеванием и отпущением за уязвлённую гордость, которой ни секунды не придерживалась, так ещё и саму себя подвела, не добившись желаемого.

– Мы можем попробовать всё, – мужчина приблизился к её лицу и сдунул мешающиеся пряди. – Предлагаю начать с "медленно". Не факт, что меня надолго, учитывая то, какая ты потрясающая, хватит, но надежда умирает последней, не правда ли, Кисунь?

И снова поцеловал, поднимая таким нехитрым, но очень приятным способом, уже было утихнувшую бурю в душе и возбуждая в теле прежнюю сладкую дрожь и трепет. В какой момент на ней не осталось абсолютно ничего Баженова не поняла, растворившись в его губах, взглядах и ласках. Напряжение и паника, чуть всё не испортившие, отступили, освобождая место восторгу с желанием, и мозг превратился в вату, поэтому факт отсутствия на себе и тру-

сов тоже она осознала, когда почувствовала мужские пальцы на лобке. Богдан почему-то всё ещё оставался в джинсах и девушка на одних инстинктах потянулась к его ширинке и даже успела расстегнуть пуговичку с молнией перед тем как он, оторвавшись от её губ, спустился вниз, не забыв уделить внимание шее, ключице, отметинам, оставленным им, и накрыл ртом ноющие соски, при этом сохраняя с ней зрительный контакт. Зрелище было такое... Такое... А ощущения такие... Такие... Маша протяжно простонала, совершенно не отслеживая громкость и, вообще, свои действия в целом. Обняла его за шею, позволяя делать с собой всё, что ему хочется, и познавая новый мир эмоций и чувств, от которых даже если бы она захотела убежать, то вряд ли бы смогла. Силы они были колоссальной. Накрывали её сначала мягкими волнами, а потом, когда Зорин отправился ещё ниже, также оставляя следы на нежной коже, окатило цунами. Девушка задохнулась, попыталась было его остановить, свести ноги, но он просто закинул их себе на плечи и с удобством устроился между ними, по всей видимости намереваясь...

– Я же обещал тебе, Кошечка моя, – опалая дыханием лобок с предвкушающей улыбкой протянул мужчина. – Облизать я тебя облизал, а дальше по списку у нас...

Не договорив, опустил голову вниз и... Машина реальность раскололась на до и после. Прежние ласки пальцами не шли ни в какое сравнение с тем, что он делал сейчас. Вообще, ничего на свете не способно было сравниться с его действиями! С тем как Богдан... Её...! Там...! О-о-о, Божечки! Она выгнулась, подставляясь под умелый горячий язык и губы, творящие с ней... В ней!... Невероятное! Потрясающее! Невозможное! Да ещё с таким удовольствием, будто ему в эту самую секунду было также обалденно как ей. Хотя Баженовой было даже больше, чем обалденно. Ей было так, как никогда не было до этого. Наслаждение нестерпимым жаром сосредоточилось под его губами. Сердце сходило с ума. Разряды тока по всему телу достигли немыслимых значений и от каждого движения языка по головке клитора её подкидывало на кровати, как припадочную. Из груди то и дело вырывались всхлипы, стоны, вскрики голосом, которого у неё раньше не было. Комната перед глазами качалась и только мужчина между её ног оставался непоколебимым. Единственным якорем, удерживающим девушку от того, чтобы подобно воздушному шару не взмыть в небо и не затеряться в пушистых облаках. То ускоряясь, то замедляясь, он открывал для неё новые грани и новые ощущения, знакомил её с её же телом заново и показывал каким оно может быть пластичным, чувственным, отзывчивым. Как ему нравится. Как оно раскрывается в знающих толк руках и...

Маша застыла, почувствовав, как в неё проникает палец. Не просто поглаживает или дразнит, а медленно скользит внутрь, растягивая и заполняя. О-о-ох... Как она там ещё пару минут назад думала? Что ничто не сравнится с его языком и губами? Поторопилась однако с выводами. Ничто не сравнится с его языком, губами и пальцами, когда они были в ней одновременно! Ничегошеньки!

– Б-б-богда-а-ан... – промычала, стискивая ладони в кулаки и понимая, что сама себя теряет. – Бо-о-о...

Он не отозвался, крайне занятый своим делом, то есть ею, и в следующую секунду добавил второй палец. Подождал мгновение, давая возможность привыкнуть и при этом не свихнуться от непривычной заполненности, и начал аккуратно ими двигать вниз-вверх-вниз-вверх, словно знал, что для неё даже это впервые и старался действовать как можно осторожнее. Будь Баженова в себе, то точно не оставила бы этот маленький факт без внимания, но она сейчас абсолютно не соображала, не помнила какой сегодня день недели и как её зовут. Она будто и вовсе перестала существовать. Вместо неё был кто-то незнакомый, возбуждённый до предела, хрипло стонущий, желающий и просящий больше, сильнее, быстрее. Кто-то, кто ощущал мужские пальцы внутри себя, язык на клиторе и пронзительный взгляд из-под длинных тёмных ресниц и хотел, чтобы этот момент продолжался вечно. Чтобы Зорин смотрел на неё как на божество и любил эмоционально и физически с такой силой до последней миллисекунды

существования этого брэнного мира, а она отвечала ему тем же. Не робостью и смущением, а любовью на любовь во всех её проявлениях. Чтобы их тела, души и сердца были единым целом. Чтобы это пламя в крови, дрожь, пульсацию они разделили на двоих и...

Её выгнуло дугой. Она даже не успела хотя бы немного себя притормозить и предупредить его о том, что с ней вот-вот произойдёт. Точнее уже произошло. Оргазм. Не первый в жизни, но первый с женщиной. И не просто с женщиной, а с Богданом Зориным! Сильный, ошеломительный, вышибающий дух. Красивый. Ослепительно-яркий. Переносящий её куда-то за пределы возможного и невозможного. Туда, где зелёно-карие глаза с восторгом и довольством следили за каждым вздохом и движением. Где его сильные руки крепко обнимали, прижимали к горячему телу, смаковали её дрожь на ощупь. Где припухшие от поцелуев и влажные от её возбуждения губы очумительно красиво улыбались. Где не было никого, кроме неё, него и...

Звонок телефона добрался до её слуха как сквозь толщу воды. Тело и мозг всё ещё не пришли в себя после такого потрясения и девушка теперь напоминала себе лужицу. Зацелованную, заглаженную и, как об это пошло не звучало, вылизанную до сумасшедшего оргазма лужицу. Какими-то остатками здравого смысла улавливала посторонние раздражающие факторы, но чтобы сосредоточиться на них полностью её сейчас не заставило бы даже дуло пистолета, приставленное к виску. Богдан же видимо соображал гораздо лучше, потому что мелодия оборвалась и следом послышался его низкий с хрипотцой голос.

– Да?... Нет, – пауза. – Я же сказал, нет! – снова пауза и на этот раз длиннее, чем первая. – Знаю... Да, – тяжёлый вздох. – Так точно, – ругательство сквозь зубы. – Понял!

Он отстранился. Маша это поняла потому как ей стало мгновенно холодно и пусто. Рядом и внутри пусто. Затем на неё опустилось что-то лёгкое и мягкое и Богдан укутал её в пушистый плед.

– Кошечка моя, – заглянул в глаза и извиняюще улыбнулся. – Прости, я... Мне нужно убежать по работе. Всего на пару часов, ладно? Я вернусь и мы продолжим. Полежи пока... – шумно втянул носом воздух и провёл большим пальцем по губам. – Какая же ты... Чё-ё-ёрт.

Прорывав что-то себе под нос, Зорин с видимой борьбой с самим собой отошёл назад и, резко развернувшись, стремительно вышел из комнаты. Прошёл по коридору. Затем на какое-то время затих, а потом... А потом хлопнула дверь и повернулся ключ в замке. В оглушающей тишине квартиры это было подобно грому среди ясного неба и отрезвляющим пинком для Маши.

Стоп-стоп-стоп. Он... Он её, что, закрыл? Сказал "продолжим" и запер у себя?

В качестве завершающего аккорда с кровати что-то свалилось с шелестящим шорохом и, с трудом повернув голову влево, она увидела как на полу валяется парик. Тот самый парик, что сейчас должен был быть у неё на голове и, судя по растрёпанным собственным волосам, давно там не находящийся.

Ой, мамочки...

Глава вторая. Богдан.

Апрельский ночной ветер, стоило только оказаться на улице, обжёг лицо и забрался под тонкую ткань футболки через распахнутую настежь куртку, но Богдан этого даже не заметил. Бушуй во дворе его дома сейчас метель или лей дождь как из ведра, то он вряд ли бы предал этому какое-то значение, так как по ощущениям у него внутри в это самое мгновение установилась рекордно высокая температура, способная растопить все вокруг к хренам собачьим. И в пору бы из-за этого серьёзно обеспокоиться, бежать, сломя голову до ближайшей круглосуточной аптеки, или сразу вызывать неотложку да только причина была не в вирусе, лечаемым с помощью лекарств под врачебным надзором, а в девчонке, которую Зорин помнил малышкой с длинными каштановыми косами, частично беззубой солнечной улыбкой, детским обожанием в огромных светло-карих глазах и неизменной ссадиной на правой коленке, появившейся там при не очень удачных попытках научиться кататься на велосипеде. Девчонке, которая была влюблена в него лет с двенадцати и которая незаметно выросла в ту, что сейчас лежала вкусная, мокрая, готовая, в его кровати, всё ещё дрожа от оргазма. Ту, от кого сейчас, казалось, ширинка просто напросто порвётся из-за каменного стояка. Ту, от которой он намеревался сбежать, чтобы не довести дело до конца и не присвоить её себе. Хотя с последним всё-таки вышла осечка, так как свет его души – Машуля Баженова уже была его. Целиком и полностью. И от того, что дальше оральных ласк у них сегодня не зашло, эта истина менялась. Наоборот она только сильнее укоренилась в его голове, сердце и, чёрт возьми, кое-чём пониже.

– В лужу что ли головой окунуться? – спросил сам себя Зорин, стараясь дышать как можно глубже, надеясь, что ночной свежий воздух хотя бы немного остудит пыл.

Надежда, естественно, не оправдалась, а ближайшая лужа, подходящая ему по его габаритам, находилась в опасной близости к подъезду и, если он сейчас развернётся и пойдёт к нему, то... Не дойдёт. Точнее пошлёт всё к чертям, пройдёт мимо неё, зайдёт в подъезд и вернётся к своей будущей жене. И тогда его точно никто не остановит. И тогда, действительно, быть Машеньке залюбленной вдоль и поперёк. А пугать Машеньку ещё больше своим напором было нельзя ни в коем случае. Иначе Машенька сбежит. Знаем, проходили. Богдану сегодня и так повезло, что до сих пор своему счастью поверить не мог. Обнимал её, целовал, чувствовал руками и на вкус желание, слышал сладкие стоны, шизел от происходящего и не верил. Ни в первую секунду в баре, когда ощутил, что на него кто-то набежал, и, посмотрев вниз, встретился с хорошо знакомым взглядом, ни в такси, когда девушка сама, САМА!, принялась играть с ним в очень взрослые и в очень опасные для его выдержки игры, ни в кровати, нависая сверху и лаская её там, где, он был уверен, ещё никто до него не ласкал. От последнего шизел пуще прежнего, хотя никогда за собой таких собственных первобытных замашек не замечал. Как-то было откровенно всё равно имела его партнёрша опыт в постели или нет, с кем и в каком количестве. С Машулей же значение приобретало всё, связанное с ней, и даже больше, а не связанное с ней напротив переставало хоть что-то значить. Сегодняшняя встреча – самый яркий тому пример.

Богдан не собирался этим вечером ни в какой бар. Он собирался банально отоспаться и в очередной раз подумать о том, куда завела его жизнь и каким образом через это дурнопахнущее нечто выбираться, как поступила наводка от информатора и пришлось в срочном порядке выдвигаться в сторону одного из заведения Влада. То, что его объект находился именно в баре его близкого друга, почти старшего брата, мужчину немного, но обрадовало, так как там всегда царствовал порядок, покой (насколько это возможно для такого рода места) и почти отсутствие неадекватного сброда, что означало возможность сделать свою работу без шума и пыли. Правда, по приезде туда его ждал большой и жирный "х*й-то там!", а если конкретнее, то полный провал и несоответствие информаторских сведений реальности. Люди отрывались пят-

ничным вечером, не думая ни о чём или старательно делая такой вид, и ему оставаться среди них не было никакого смысла. Так Зорин думал вплоть до момента пока не столкнулся в толпе с... Машей. Его Машей. Пока ещё Баженовой, но это пока. Челюсть при виде неё, мягко говоря, отпала, сердце, до этого момента спокойное, сделало такой кульбит, что непонятно как в груди осталось, руки, словно примагниченные, потянулись к ней, а бурное оживление ниже пояса напомнило лихую юность, когда член стоял по стойке "смирно!" по поводу и без. И возможно следовало бы подавить в себе это наваждение, позволить ей пройти мимо и попробовать получить у неё ещё один шанс позже, по-человечески объяснив причины своего поведения и попросив прощения, но... Б*я-я-я. В тот момент мозг, помахав ручкой, свалил в неизвестном направлении, оставив его пялиться на девушку в одиночестве. В своё оправдание Зорин мог привести аргумент о том, что не пялиться было невозможно.

Эту простую истину он понял ещё пару лет назад, когда, вернувшись в город после очередного продолжительного отсутствия по работе, внезапно посмотрел на девочку, неумело прячущую от него свою влюблённость и воспринимающуюся им ранее не иначе как младшей сестрой, кардинально другим взглядом и увидел то, что видеть ему, учитывая близкие отношения с семьёй Баженовых, было нельзя ни в коем случае. Увидел длинные вьющиеся каштановые волосы, густые и тяжёлые, напоминающие шелковистый водопад. Большие чайные глаза, в которых, казалось, он пропал мгновенно. Милые румяные щёчки с ямочками. Малиновые губки бантиком, складывающиеся в удивительно красивую улыбку. И ладно бы, если Богдан остановился на её прекрасном личике, так ведь зачем-то пустился в исследование глазами фигуры. Маша не была высокой, а по сравнению с ним и вовсе крошка. Маленькая, хрупкая, стройная кроха, неожиданно вызвавшая у него обильное слюноотделение. Грудь, бёдра, ровные ножки – всё было при ней. Всё в меру. Всё так как надо. Увидел и больше не смог развидеть как не пытался. Впредь при каждой встрече с ней в любой одежде, даже самой целомудренной, подмечал её изгибы, аппетитные формы, выразительное личико и, вообще, всю Машулю в целом как взрослую девушку. Очень-очень красивую взрослую девушку. Сексуальную. О которой эротический фантазии лились как из рога изобилия, одна другой краше. Ситуацию несколько не облегчало то, как она него при этой самой каждой встрече смотрела. Как мило краснела и терялась из-за силы своих чувств к нему. Для Зорина этот факт не был новостью, но почему-то после того поворотного дня стал восприниматься совсем иначе. Так, как он сам со временем, проведённым в её присутствии, всё больше ловил себя на мысли о том, что любовь такой девочки, как она, настоящая роскошь. Умная, добрая, красивая, весёлая, из хорошей семьи. Знающая его чуть ли не лучше, чем он сам себя знал. Верная. Преданная. Родная. Сокровище, одним словом. Сколько бы рядом с ним баб самой разной масти, метящих на звание дамы его сердца, не крутились, а дотянуться до планки, неосознанно выставленной Баженовой, не смогла ни одна из них. Ни одна не стала особенной. А Машенька была ею априори. По умолчанию. И это при условии полного отсутствия какой-либо физической близости или хотя бы намёка на неё.

Поначалу он гнал от себя эти опасные и запретные размышления изо всех сил, из раза в раз напоминая себе о том, что заливает не на ком-то там, а на дочери и сестре людей, заменивших ему семью. Какое-то время это самовнушение работало. Целую неделю. Даже смог отвлечься на случайное, но очень многообещающее знакомство с то ли Ксюшей, то ли Валецкой, повстречавшейся ему на дне рождения приятеля. Только в самый разгар "знакомства" вдруг понял, что невольно сравнивает её с Машей, ищет общие черты во внешности и, естественно, ни черта так и не найдя, мгновенно теряет весь интерес. Позже похожее произошло с Инной, Кариней, Алей и Снежаной. На последней, психанув, решил притормозить и разобраться с собственной бедовой башкой. Наразбирался до того, что нашёл себя, прижимающим к стенке клуба и жадно целующим именно Машеньку, за которой приехал в этот самый клуб приглядеть по просьбе её старших братьев.

– Богдаш, просто присмотри со стороны, – Владу очевидно очень не нравилась идея сестры отпраздновать свой двадцать первый день рождения именно таким образом. – Я бы сам поехал, но... – друг поморщился. – Но Маше это вряд ли понравится. Она и так вместо подарка попросила перестать относиться к ней как к неразумному младенцу. К тому же рядом с ней Трофимова и сам понимаешь куда Катюшеньку может занести в пылу веселья.

– А мне Тоня запретила, – Лёшка удручённо вздохнул, покручивая на пальце обручальное кольцо. – Сказала, что, если я не дам сестре спокойно повеселиться, то тогда она не будет со мной разговаривать.

Отказать в помощи друзьям и не проникнуться их переживаниями за младшую сестру Зорин тогда не смог. В конце концов, сколько бы лет девушке не было, а находиться в клубе одной (её друзей-сверстников он не собирался брать в расчёт, так как от тех оболтусов толку как от козла молока) было чревато последствиями. К тому же нельзя было забывать о том, что её лучшая подруга – Катюша Трофимова, отличающаяся буйным нравом и эффектной внешностью, могла найти на их симпатичные задницы немало приключений, не прикладывая для этого особых усилий. Поэтому страховка в его лице в любом случае не была лишней. Как минимум, потом развезёт их по домам и, как максимум, отгонит настойчивых кавалеров. Сам становиться этим самым последствием и настойчивым кавалером для Маши мужчина не планировал совершенно, но... Но и железным, к своему сожалению, не был. Стоило только встретиться её, охрентельно красивую в коротком ярко-красном атласном платье на тонких лямках, облегающем все девичьи изгибы, подчёркивающим высокую грудь, линию талии и покатые бёдра, как стало всё неважным. Ни обещание друзьям, ни собственные увещевания в неправильности своих тайных желаний к их сестре, ни маячащие на заднем плане куча людей, в числе которых была и Трофимова, выглядящая так, словно вот-вот сошла с модного показа. Её-то он как раз таки продолжал воспринимать через железобетонное «нельзя», а на Маше будто переклинило. Проснулись инстинкты в стиле "моя и только моя" и Богдан даже не попытался им противостоять. Как и Баженовой, которая, судя по характерному блеску в глазах, набралась смелости благодаря парочке алкогольных коктейлей и теперь также не собиралась противостоять инстинктам. Сделала первый шаг, сковав горящим взглядом по рукам и ногам, и, привстав на цыпочки, поцеловала. Словно на поражение выстрелила. Одна секунда и он сам себе уже не принадлежит. Отныне и впредь Богдан Зорин целиком и полностью её. Интерес, который с другими девушками в последнее время был на нуле, сразу подскочил до отметки "хочу здесь и сейчас" и вылился в то, что мужчина накинулся на неё будто одержимый. Исследовал языком сладкий ротик, а руками тело, подмечая про себя, как собственному телу происходящее, мягко говоря, в кайф. Как оно с готовностью и жаром отзывается на любое Машенькино действие, вздох и стон. Как реальность, наконец, встала на своё место и ушло это мерзкое чувство неполноценности, неправильности и одиночества, преследующее его со дня похорон родителей. Как девушку, тающую в его объятиях, отпускать не хочется абсолютно, а хочется любить во всех смыслах этого слова.

Окончательный вердикт своего полного и бесповоротного попадалова Богдан вынес себе собственноручно, пропав от одного лишь поцелуя и привезя Машулю домой с маниакальным желанием присвоить её себе в ту ночь во что бы ему это не стоило. И хоть трава не расти. Последствия не волновали. Не мог остановиться, хотя стоило бы поумерить пыл, обсудить их кардинально меняющиеся отношения и узнать о том, точно она готова к тому, куда их обоих вело, или нет. В итоге только напугал её своим напором и остался ни с чем. Точнее со стояком и пьяной от страсти головой, но это сути дела не меняло. Баженова сбежала, сославшись на невыключенный утюг, и начала его избегать. Да так мастерски, что, как бы Зорин не старался выловить её и спокойно поговорить, желаемого он не получал. Это только раззадоривало и будило инстинкты охотника. Чем больше она бегала, тем сильнее Богдан хотел догнать. И ладно бы проблема была лишь в азарте и банальном физическом влечении, он бы в таком случае

смог подавить в себе это сумасшествие, дело было ещё и в том, что пёрло его от Машеньки во всех смыслах. И физика, и химия между ними была будь здоров. Хватило лишь одного раза представить её рядом с собой в качестве той самой единственной и всё, обратного хода не стало. Сомнения в правильности своих действий даже не появились. Высокую вероятность получить в табло от её отца и братьев за такие намерения в отношении неё перекрывали тепло в душе и ощущение себя на своём месте. Впервые в жизни и только рядом с Машей. Как это работало и почему именно сейчас, его уже не беспокоило. Если случилось, значит, суждено и он не дурак, чтобы такими подарками судьбы разбрасываться. К тому же не очень-то она его за тридцать три года ими и баловала. Скорее наоборот только испытывала на прочность.

О том, что и после осознания роли Баженовой легко не будет, Богдан также прекрасно знал и был готов ко всему. Наступив себе на горло, дал девушке время, так как в отличие от него у неё этой готовности явно не было. Начал потихоньку подготавливать её отца к своей кандидатуре в качестве будущего зятя, отдавая себе отчёт в том, что о таких, как она, стоит думать исключительно при наличии твёрдой решимости предоставить ей паспорт, сердце и жилплощадь в вечное пользование. Дяде Вале подобные намёки не нравились и, чем больше он заикался о его дочке, тем больше ловил предупредительных и настороженных взглядов.

– Смех смехом, Богдаша, но октись, – Баженов-старший тяжело на него взглянул. – Пока поздно не стало.

А поздно уже было. Богдан, правда, пока вслух это не озвучивал, не желая ставить Машу в неловкое положение перед родными. Сначала необходимо было поговорить с ней, разъяснить ситуацию, обозначить свои намерения и дать понять, что они самые что ни на есть серьёзные. И он даже почти сделал это, пригласив девушку на настоящее свидание в прошлом октябре и добившись её согласия, вот только в его планы вмешалась работа, напрочь их разрушив на несколько месяцев вперёд. Да и сейчас нельзя было сказать, что обустройство личной жизни вписывалось в его реальность, больше похожую на криминальный боевик, но опять же упускать такой шанс на то чтобы всё-таки добиться Машенькиного расположения мужчина не собирался ни в коем случае. Ведь сегодняшняя встреча в баре её брата являлась не иначе как провидением судьбы. Вполне вероятно, что последней возможностью, и воспользоваться ею нужно было по полной.

Тем более, учитывая то, как мужики вокруг сворачивали шеи вслед Баженовой и давились слюнями, наблюдая за ней со стороны. Чужие взгляды примагничивались к её фигурке на раз-два, оценивая яркий и, мягко говоря, эффектный образ. Зорину же на этот парик, платье и каблуки по большому счёту было плевать, потому что за всем этим маскарадом он в первую очередь видел её настоящую и знал, что нет никого красивее, чем стоящая напротив него девушка. Машину красоту и внутреннюю и внешнюю никакими тряпками и париками не скроешь, не затмишь и не изменишь как не старайся. Да и он, казалось, мог узнать и найти её с закрытыми глазами в каком угодно состоянии, поэтому и столь непривычный для неё наряд его взволновал далеко не в самую первую очередь. Впечатлить, конечно, впечатлил, но больше его впечатлило то, что она, поверив в то, что Богдан её не узнал, не кинулась от него прочь. Стояла рядом, смотрела во все свои невероятные глазки и даже не подозревала о том, как его от неё каждую секунду их разговора вело. Как ему хотелось называть её не милыми прозвищами, а настоящим именем. Как не терпелось прижать к себе, объясниться и попросить не ставить на нём, невезучем дураке, крест. Что ей говорил, не отслеживал, действуя опять же на одних инстинктах. Старался только изо всех сил поддерживать её легенду, чтобы не спугнуть. Казалось, один неверный шаг и она вновь исчезнет. И оно так и случилось, правда, слава всем богам, ненадолго. За эти минуты её отсутствия план дальнейших действий выработался сам собой – увезти Машу из бара и как можно скорее, так как её намерения заснуть сегодня в чужой постели, ему, мягко говоря, не понравились. Увезти, привезти к себе и, всё-таки признавшись в том, что знает, кто она такая, вывести на разговор. О большем не думал,

точнее думал, конечно, не мог не думать, но понимал, что так торопиться с такой девушкой, как Машенька, не стоит и нужно сделать всё по правилам. Снова пригласить на свидание, подарить цветы, сводить в кафе-кино-куда угодно и только потом постепенно подойти к физической близости. Но у неё были другие цели. Половину из них мужчина считал на раз-два, а другая половина так и осталась загадкой. Зачем ей этот маскарад? Почему именно "Муся"? И откуда столько решимости завершить "знакомство" с ним именно в постели? И, нет, он её за это не осуждал ни в коем случае. Просто не мог понять и определить истинные причины её поведения. Баженова ему ещё и в этом очень сильно мешала. Кружила голову горячими взглядами и реакцией на любое его прикосновение. Позволяла то, о чём Богдан, естественно, мечтал, но считал, что такое близкое взаимодействие, как сегодня, случится несколько позже. Неровно дышала, отзывалась, поддавалась и прогибалась, как настоящая кошечка, совпадая с ним по всем фронтам. Опомнись, дорвавшись до желаемого, остановись, когда она так его целовала, и тем более вспомнить о каких-то там своих правильных намерениях на её счёт получилось, когда Машенька, кончив, задрожала под ним всем телом. И то благодаря звонку телефона. А до этого мозг отключился напрочь. Её шикарное обнажённое тело, возбуждение, которое ему удалось попробовать на вкус, хриплый голос, произносящий его имя так, как не произносил ещё никто... Зорин не мог не дать ей то, что она так хотела. Не мог не пропасть в ней ещё сильнее. Не мог оторваться. Давно уже не был подростком, чтобы свою девчонку засосами метить и всячески "столбить территорию", а с ней инстинкты и первобытное желание сделать своей ещё больше любым способом заглушили здравый смысл. Как только телефон услышал – загадка. Зазвони он хотя бы секундой позже, то его уже точно было бы не остановить, и они бы с Машулей дошли до самого главного, несмотря ни на что. Богдан уже сдёрнул с неё сбившийся в процессе активных ласк парик, желая зарыться пятернёй в её настоящие шикарные волосы, уже потянулся к своим джинсам и уже в который раз сквозь плотный туман возбуждения напомнил себе быть аккуратней и осторожней, памятуя о том, что это будет её первым опытом, как реальность ворвалась в его рай раздражающей мелодией смартфона. Звонило начальство. Требовало отчёта и исполнения очередного бестолкового приказа. А тело требовало её – Машу, Машулю, Мусеньку. Здесь и сейчас. И не переставало требовать даже на расстоянии от неё и спустя несколько минут. Головой пусть уже и отдавал отчёт своим действиям, но этого было мало. Нужно было...

Телефон зазвонил вновь и мужчина, чертыхнувшись себе под нос, посмотрел на лужу возле своего подъезда с уже совсем другим умыслом, не в силах отказать себе в удовольствии представить как смартфон заглохнет в ней или вовсе выключится.

– Да? – голос звучал так, будто он либо занимался спортом посреди ночи, либо тем, чем, собственно, и занимался с Баженовой некоторое время назад.

– Удобно? – без приветствия поинтересовался Владлен.

Голос друга звучал напротив недовольно и напряжённо. Зорин невольно подобрался и мысленно прикинул сколько времени у него займёт реабилитация после того как тот узнает, что он делал и планирует сделать в ближайшем будущем с его обожаемой младшей сестрой. В лучшем случае пару месяцев, в худшем Влад по старой памяти его пожалеет и откроет голову одним движением, не мучая.

– Да.

Перед смертью, как известно, не надышишься, а Богдану и так повезло. Успел попробовать Машулю на вкус вдоль и поперёк. Лучшее достижение за его тридцать три года.

– Богдась, твоя тачка на парковке бара, а сам ты где?

Он жёстко потёр лицо, собирая мысли в кучу. Машина, действительно, осталась там, так как Зорин, покидая бар вместе с Машей, решил не разубеждать её в том, что он также находится под действием алкоголя, хотя не взял в рот ни капли, и подыграть ей по максимуму. Вообще, был готов сделать всё, чтобы она не сбежала. И сейчас, уйдя, запер у себя в квартире

именно по этой причине, надеясь, по возвращении всё-таки выполнить свой изначальный план – поговорить один на один и разрешить все недомолвки.

– Я сейчас её заберу.

– У тебя всё нормально? – Влад, как обычно, видел его насквозь, при этом всего лишь разговаривая с ним по телефону. – Голос у тебя странный, Богдаш. Помощь нужна?

– Кхм-кхм, – откашлялся, мысленно давая себе отрезвляющий подзатыльник. – Я... – глубоко вздохнул, запуская холодный воздух в лёгкие. – Нормально у меня всё.

– Когда тачку забирать будешь, зайди ко мне.

Баженов отключился, давая понять, что последние слова обсуждению не подлежат, и Богдан повторно вздохнул. Взглянул на ночное небо и сорвался с места. Ещё с подросткового возраста понял, что лучшего средства для снятия стресса и возбуждения, кроме секса и спорта нет. О первом варианте сейчас думать не стоило, а второй был как нельзя кстати. Бег по пересечённой местности поможет и телу остыть, и мозгам. Тем более и расстояние от дома до заведения Владлена подходящее. За минут пятнадцать добежит и того глядишь и получится собственноручно отлюбленную Машулю с обратной стороны век стереть.

С последним он, конечно, изрядно погорячился, так как это уже похоже относилось к ряду невозможного, но в целом своих целей достиг. Тело переключилось на хорошо знакомый режим и, пусть и с трудом, возбуждение спало. Людей в баре меньше не стало, впрочем, как и количество трезвых из них не увеличилось, что только в очередной раз подтвердило правильность его решения увезти девушку к себе. Влад нашёлся у себя в кабинете и по первому взгляду на него стало ясно, что он чем-то крайне недоволен. С ним же нашёлся и ещё один близкий друг Богдана, хотя, учитывая всю историю их взаимоотношений, скорее ещё один старший брат не по крови, а по духу, Артемий Медведев. Тот напротив, судя по улыбке, по обыкновению был вполне доволен своей жизнью и, увидев его, с готовностью это продемонстрировал.

– Богда-а-аша, дорогой мой мальчик, – поднялся ему навстречу он и заключил в поистине медвежьих объятиях. – Вот так встреча! Ты сыграл Бонда, спас мир от злодеев и вернулся к нам? Надолго? Или происходящий пи*дец ещё не закончился и я рано обрадовался твоему возвращению в мир простых смертных?

Зорин похлопал товарища по спине, так как сам соскучился по друзьям не меньше, потому что не видел их толком уже несколько месяцев. Этого от него требовала работа и он очень надеялся, что происходящий, как абсолютно верно выразился Тёма, пи*дец закончится в ближайшее время и можно будет зажить как раньше.

– Тёмыч, я на минуту, – сразу предупредил Богдан и повернулся к Владлену, подавая тому руку. – Пи*дец ещё только подходит к своей кульминации.

Медведев удручённо покачал головой.

– А у меня столько новостей для тебя!

– Запомни их и потом расскажи.

– Боюсь, что к тому моменту уже буду не в состоянии говорить, – наигранно печально вздохнул Медведев. – Так как Саня мне за свою девочку, как минимум, устроит пожизненный постельный режим в состоянии овоща.

Зорин недоумённо нахмурился, не понимая, почему Соловьёв, будучи лучшим другом Артемия ещё с детства, может так с ним поступить. И что за "его девочка"? Неужели он настолько отстал от жизни из-за работы, что у Саши появился кто-то, за кого он был готов начистить морду друзьям? Или...

– Ты про Катюху что ли? – дошло, наконец, до него. – Про Трофимову?

– Знал бы я, что белокурая красотка – это та самая Санина зазноба, из-за которой он чахнет третий месяц подряд, то...

– Ты что, к ней подкатил? Когда успел?

Удивлению Богдана не было предела. Нет, он точно от жизни отстал. Пока гонялся за плохими дядями, оказывается, столько всего произошло. Маша стала Мусей, Тёма положил глаз не на ту девушку и теперь ждал кары небесной за свою любвеобильность в виде тяжёлой руки Соловьёва. Дальше, интересно, что будет? Владлен женится? Или на Землю сразу небо рухнет?

– Да пару часов назад. Вижу, сидит охрененно красивая и одна, а оказывается, что она совсем не одна, и просто трахает нашему Сашеньке мозги за все его приколы, – Тёма чуть сощурил голубые глаза и усмехнулся. – Ох, ты бы их видел вместе! Такая пара! Столько страсти! Он её хочет забрать отсюда, она сопротивляется и ещё говорит, чтобы её не трогал! Думал, что Саня её на месте придушит, а ей хоть бы хны. Огонь девка! Бесстрашная. То, что ему надо. Давно не видел его таким... – друг задумчиво пощёлкал пальцами, подбирая нужное слово. – Таким слетевшим с катушек. Не ровен час, посмотрев на них, ещё и в любовь поверю. Ещё и этот... – он кивнул на всё ещё источающего недовольство Владлена. – К ним лезет с подозрениями о Маше. И чего только пристал аки банный лист? Права Катя. Выросла сестра твоя уже. Хватит пасти её по поводу и без.

Баженов послал ему предупреждающий взгляд, мол, не лезь не в своё дело, и Артемий поднял руки.

– Ладно-ладно, молчу я, а то чувствую не от Сани огребу, так от тебя.

– А что с Машей не так? – вопрос вылетел прежде, чем он успел его остановить.

И, чтобы сильно не палиться, Богдан в ту же секунду отвернулся под предлогом избавления от куртки, чувствуя, как из-за одного лишь упоминания о ней ему стало в разы жарче, чем секунду назад. Благо хоть сбившееся дыхание можно было оправдать бегом. И так по краю ходил. Влад знал его с детства и мог на раз-два понять, что с ним что-то не так, а в таком состоянии, как сейчас, тем более. Не ровен час как сам вместо Тёмы огребёт. Впрочем, за дело огребёт, что уж тут.

– Сначала сказала, что останется у Кати, а та в свою очередь оказалась здесь в компании какой-то мифической подружки по описанию на Машу не похожую, но... – Владлен скрипнул зубами. – Но они же как сиамские близнецы, сам знаешь.

Зорин молча кивнул. Девчонки дружили с детства и с каждым годом их дружба только крепла. Они всегда и везде были вместе и всем было ясно, что, если есть Катя, значит, где-то неподалёку находится и Маша, поэтому подозрения Влада были более, чем оправданными.

– Катя утверждает, что Маша в итоге осталась у какой-то их общей подружки, но я уверен, что это не так.

– Ой, да Боже мой, – закатил глаза Артемий, сев на диванчик для посетителей и взяв со столика, стоящего рядом, бокал, судя по цвету, с виски. – Ну, на свиданке она с каким-нибудь парнишей. Что в этом такого-то? Двадцать три года девчонке. Ей, по-твоему мнению, в это время спать что ли нужно в обнимку с плюшевыми игрушками? Ты Машеньку видел, Владик? Представляешь, сколько у неё ухажёров, желающих составить компанию ночью с пятницы на субботу?

– На что ты намекаешь? – тут же взвился Баженов.

– Намекать – не мой метод. Я прямо тебе говорю – отвали от сестры. Выросла она уже и чем раньше ты этот факт примешь, тем лучше.

– Выросла?! В двадцать три года, по твоему, выросла?!

– А что, нет? Будешь до её пятидесяти лет, как дракон, в башне сторожить и доблестных рыцарей отгонять? Так не удержишь ведь, Владюся. Лучше дай ей сейчас возможность прожить свою молодость от и до, чем она потом вырвется на свободу и пустится во все тяжкие. Пусть гуляет и развлекается. Пусть замуж выходит. Пусть, вообще, живёт так, как ей хочется, а не тебе.

– Ты не понимаешь, о чём говоришь, Тёма!

– Ой ли? – хмыкнул Медведев, не напрягшись ни на секунду из-за звенящей в голосе друга злости. – Тогда, может, просветишь меня, такого недалёкого? В чём дело, Влад? И в одной ли Маше оно в целом?

Баженов прожёл его взглядом, проигнорировать который было бы опасно для состояния своего здоровья, и прошёл за свой рабочий стол. Артемий в свою очередь только снова закатил глаза, но дальше лезть под кожу не стал. Наблюдая за друзьями со стороны, Богдан не мог не зацепиться за фразу, наиболее ему не понравившуюся. О контроле Машиных братьев над ней он и так знал, а вот об ухажёрах ему хотелось бы узнать подробнее. Количество, имена, адрес. Или хотя бы просто имена. Остальное сам пробьёт.

– И сколько?

– Что "сколько"? – вздёрнул бровь Тёма.

– Ухажёров сколько, желающих составить ей компанию?

Медведев окинул его своими глазами-сканером и, шкодливо улыбнувшись, очевидно помня каждое слово, которое Зорин сболтнул, будучи под действием лекарств на больничной койке несколько месяцев назад, вкрадчиво поинтересовался:

– А тебе-то что с этого, Богдаш? Ревность за жабры взяла?

От ответа его спас очередной телефонный звонок, но на этот раз уже у самого Артемия, лицо которого удивлённо вытянулось, когда он взглянул на экран.

– Дарья Григорьевна, ты ли это? – ответил он, не медля ни секунды. – Да ещё в такой час! Чем обязан, богиня? Умоляю, скажи, что соскучилась!

Что именно ему сказала некая Дарья Григорьевна было не слышно, но это заставило друга забыть про разговор, подняться на ноги, пожать руки на прощание и со словами: "Всех люблю-целую" умчаться восвояси.

– И что это было? – Богдан повернулся к Владу.

Тот пожал плечами и кивнул на стул напротив.

– Потом сам расскажет. Садись.

Особо расслаживаться было некогда. Начальство ждало проверки ещё одной информации, а дома ждала Маша. К ней-то он и торопился сильнее всего.

– Всего один вопрос и свободен.

Зорин сел на предложенное место, подцепив с тарелки брускетту с красной рыбой, когда проходил мимо стола.

– Голодный? – сразу же, как в детстве, обеспокоился его самочувствием Баженов и потянулся к телефону. – Что будешь? Я закажу.

– Переживу. К тому же времени нет и час поздний. Потерплю до завтрака.

Тем более что его он планировал провести в компании с Машулей, так что, действительно, было лучше потерпеть и получить гораздо больше, чем простое утоление голода.

– Хорошо, как знаешь. Тогда скажи мне, с кем ты ушёл из бара пару часов назад? Я видел по камерам, что ты был не один.

Кусок брускетты мгновенно встал поперёк горла и друг участливо поставил перед ним стакан с водой. Отнекиваться и обманывать Влада не хотелось, но и сказать правду означало разрушить всю Машину легенду, а подставлять её не хотелось ещё сильнее. Конечно, рано или поздно он всё равно узнает правду и мало Богдану не покажется, вот только сейчас и сказать-то конкретного нечего было. Сначала следовало обсудить их отношения непосредственно с девушкой, а потом уже можно и явиться к Баженову с повинной. Поэтому он решил отделиться уклончивым:

– Не могу сказать.

– Гостайна?

– И она тоже.

Взгляд Владлена потяжелел пуще прежнего. Чтобы довести его до такого состояния, нужно было хорошо постараться и это-то и наводило на мысль, озвученную Артемием, что дело бы не в Маше. Точнее не только в ней.

– У тебя всё нормально? – Богдан наклонил голову к плечу, внимательнее вглядываясь в его лицо, и, дождавшись короткого кивка, продолжил: – А у родителей?

– По тебе скучают.

Сердце сжалось при упоминании людей, в самый тяжёлый момент заменивших ему родителей и не оставивших с горем один на один.

– При первом удобном случае заеду, иначе потом точно не вырвусь, – вздохнул Зорин, понимая, что и сам по ним изрядно соскучился. – А Лёшка с Тоней и племяшом как?

На этом вопросе друг вдруг вскочил на ноги и принялся мерить шагами кабинет, похоже едва сдерживаясь от ругательств и поэтому ограничившись мало что объясняющим:

– А у них мыльная опера в самом разгаре! И главная героиня в ней – Сонечка!

– Не понял? Кто такая эта Сонечка?

Он отмахнулся, не остановившись ни на секунду и похоже полностью погрузившись в свои мысли.

– Глазками своими невинными "хлоп-хлоп" из Тоньки дуру делает, мол, не специально она к ним явилась да только что-то с трудом, учитывая обстоятельства, в это верится. Мелкая ещё, а врёт так, что волей неволей поверить хочется.

Так и не добившись от Баженова внятного объяснения его словам, но получив при прощании многообещающее: "Разговор ещё не окончен", Богдан отправился по рабочим делам, которые опять же не принесли особого результата, а потом с чувством выполненного долга и заявлением начальству о том, что у него сегодня выходной, уже к утру на всех парах ринулся домой. Внутри всё переворачивалось от сладкого трепета, возникающего при мыслях о девушке, находящейся сейчас в его квартире. Хорошо, что дороги были пустые и получилось доехать быстро. Лифта так и не дождался и, счастливо улыбаясь, как дурак, поднялся на свой этаж бегом, перепрыгивая несколько ступенек разом. Только бы поскорее её увидеть, обнять, поцеловать... Возможно, конечно, ещё получить за то, что оставил посреди ночи одну, но на этот случай у него был купленный впопыхах букет в круглосуточном цветочном в качестве извинений и слова, которые мужчина не говорил ещё ни одной девушке в своей жизни, потому что предназначались они исключительно Машеньке Баженовой.

Оказавшись в прихожей и быстро скинув верхнюю одежду с обувью, прошёл напрямик в спальню, не включая свет. Вот только нашёл там лишь аккуратно заправленную постель.

– Маша? – громко позвал он, чувствуя неладное.

В надежде, что девушка находится в одной из других комнат, отправился сначала в гостиную, затем заглянул в ванную, а после на кухню. Ни в одной из них пропажи не нашлось. Зато нашлась записка на обеденном столе.

Случайно нашла ключи в тумбочке у входной двери. Найдём их в почтовом ящике. Хочешь повторить, звони – 891.....

Муся.

Одиночество с огорчением, в кои-то веки отступившие от него благодаря девушке, её написавшей, знакомо надавили на грудь и плечи бетонной плитой, но Богдан, успевший почувствовать вкус свободы и любви, их проигнорировал. Не-е-ет, хватит с него этой беспросветной тоски. Он заслужил своё счастье. Заслужил, ясно? И вернёт его себе во чтобы то не стало. Вернёт, пристегнёт к кровати наручниками и залюбит так, что она не только забудет как сбегать от него из раза в раз, но и своё имя.

– Задумала со мной в кошки-мышки сыграть, Машенька? – проговорил вслух, растягивая губы в плотоядной улыбке и доставая телефон, чтобы вбить номер в список контактов. –

Хорошо, как хочешь. Только теперь будем играть по-взрослому, сладкая. На моих условиях. Если что я предупреждал.

Глава третья. Маша.

Машу нельзя было назвать паникёршей, она умела сохранять спокойствие и трезвость ума даже в самых тяжёлых жизненных моментах, умела встречать сложности лицом к лицу и давать проблемам отпор. Единственное, что выбивало её из этой колеи и превращало в зайчишку-трусишку – это взаимоотношения с Богданом, раз за разом открывающие в ней новые грани смущения, неловкости и стыда. Никто из других людей был не способен вводить её в краску и вызывать дикое желание провалиться сквозь землю на месте, как он, при этом не прикладывая к этому особых усилий. И сейчас, сидя абсолютно голой на сбитой постели, на которой мужчина творил с ней такие невероятные вещи языком, пальцами и взглядами, прижимая плед к груди и с ужасом смотря на парик, валяющийся у подножья кровати, Баженова в очередной раз в этом убедилась. Собственные волосы, которых не удержали невидимки, тяжёлыми волнами лежали на плечах, щёки горели, зацелованные губы пощипывало, а тело, совсем недавно пережив первый в жизни оргазм с женщиной, совершенно не слушалось. Будто, ощутив столько удовольствия за раз, решило объявить забастовку и по своей инициативе передать себя в умелые и сильные руки Зорина, чтобы он делал с ним всё, что вздумается, потому что в них ему было так хорошо, что словами не описать. Принять вертикальное положение и то получилось с трудом, а как встать на ноги девушка и вовсе слабо себе представляла. А вставать было нужно. И чем раньше она это сделает, тем лучше, потому что... Потому что... Потому что домстилась Машенька на свою голову! Доигралась из-за чего он тогда к ней на свидание не пришёл! Доигралась в Роковую Мусю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.